

ПЕРЕПИСКА ФЕТА с Вл. С. СОЛОВЬЕВЫМ (1881–1892)

Публикация Г. В. Петровой

Переписка А. А. Фета и Вл. С. Соловьева охватывает один из самых малоизученных периодов в развитии русской литературы — 1880-е годы. Хронологические рамки эпистолярного диалога Фета и Соловьева: 1881–1892 годы.

Впервые подборка из семнадцати писем Соловьева к Фету была опубликована в символистском альманахе «Северные цветы на 1901 год»¹ и приурочена к двум значимым для русских символистов событиям: в 1900 году ушел из жизни Вл. Соловьев, а в 1902 году исполнялось первое десятилетие со дня смерти Фета. В том же, 1901-м, году в журнале «Русское обозрение» было опубликовано еще одно письмо Соловьева к Фету.²

Особую роль в деле распространения и популяризации соловьевского наследия сыграл Э. Л. Радлов, который издал четыре тома писем Соловьева, где были опубликованы и его письма к Фету. В 3 том этого издания вошли уже известные по «Северным цветам» семнадцать писем Соловьева, а в 4 том — одно письмо из «Русского обозрения» и четыре приписки Соловьева к Фету, сделанные на письмах Н. Н. Страхова.³ В 1989 году пять писем Соловьева к Фету вошли в подготовленное Г. Д. Аслановой и А. Е. Тарховым издание: *Фет А. А. Стихотворения, поэмы. Современники о Фете / Вступит. ст. А. Е. Тархова; Сост. и при-*

---

¹ Письма Владимира Соловьева к А. А. Фету // Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством «Скорпион». М., 1901. С. 146–159.

² Русское обозрение. 1901. № 1. С. 104–106.

³ *Соловьев Вл. Письма / Под ред. Э. Л. Радлова. Пб., 1923. Т. 4. С. 228–231. Далее ссылки на это издание — Соловьев. Письма, с указанием тома и страницы.*

меч. Г. Д. Аслановой и А. Е. Тархова. М., 1989, а в 2009 году еще раз переизданы (*Фет А. А.* Поэзия. Проза. Письма. Современники о Фете. М., 2009. С. 554–560). Четыре «приписки» Соловьева к Фету опубликованы Н. П. Генераловой в составе переписки Фета с Н. Н. Страховым во второй книге тома 103 «Литературного наследства».⁴ Основной же корпус писем Соловьева к Фету не переиздавался, а, следовательно, был достоянием лишь узкого круга исследователей.

Между тем в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) РАН и в Российской государственной библиотеке обнаружился еще ряд письменных обращений Соловьева к Фету, которые ранее нигде не публиковались, видимо, из-за подчеркнута частного характера их содержания и сложности датировки. Одно письмо хранится в ИРЛИ, восемь (в том числе две телеграммы) — в РГБ.

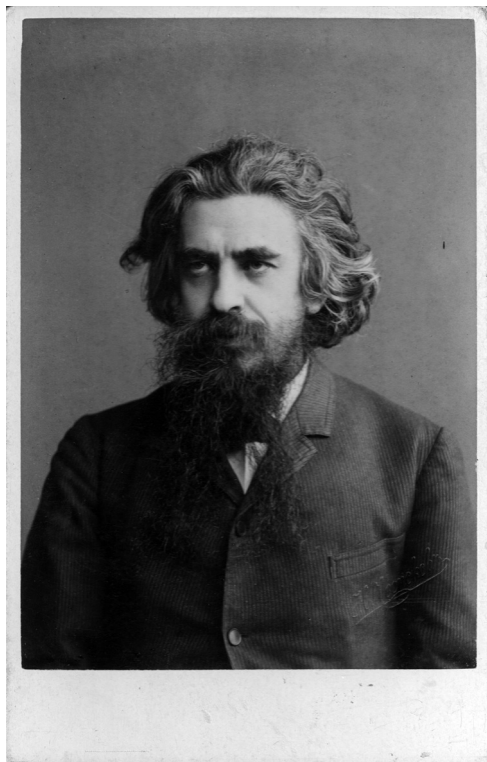
Иначе обстояло дело с письмами Фета. Автографы писем Фета к Соловьеву до сих пор не обнаружены. Сохранившиеся в личном фонде поэта в РГБ их машинописные копии, сделанные в свое время Н. Н. Черногубовым, впервые были опубликованы лишь в 1982 году А. Е. Тарховым в составе подготовленного им двухтомника сочинений поэта.⁵ Из семи копий писем Фета к Соловьеву, хранящихся в РГБ, были опубликованы лишь пять и в ряде случаев с некоторыми купюрами.

Таким образом, письма Фета и Соловьева, опубликованные раздельно с более чем полувековым промежутком, заставляли звучать голоса их авторов абсолютно отрешенно друг от друга, как будто с разных полюсов литературного мира. Это в свою очередь влияло на формирование порой искаженных представлений о «странной» дружбе представителей двух разных литературных поколений. Так, в одной из самых авторитетных монографий о творческом пути Вл. Соловьева, принадлежащей К. В. Мочульскому, читаем: «К 80-м годам относится также начало многолетней дружбы Соловьева с А. А. Фетом. Дружба эта была особенная. Фет был прямым антиподом Соловьева по характеру и убеждениям. Его сознательная и упорная враждебность христианству, свирепое и мрачное реакционерство, его ненависть ко всему „разумному и полезному“ и отвращение к общественной деятельности приводили Соловьева в уныние. Но он предпочитал не возмущаться, а смеяться

---

⁴ Переписка с Н. Н. Страховым (1877–1892) / Вступит. ст., публ. и коммент. Н. П. Генераловой // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 233–247.

⁵ *Фет А. А.* Сочинения: В 2 т. / Подг. текста, сост., коммент. А. Е. Тархова. М., 1982. Т. 2. С. 321–327. Переизданы: *Фет А. А.* Поэзия. Проза. Письма. Современники о Фете. М., 2009. С. 460–467.

В. С. Соловьев.

Фотография Н. А. Чеснокова. Петербург, 1891 г.
Экземпляр из кабинета М. М. Стасюлевича (ИРЛИ)

над дикими выходками своего приятеля: считал его безответственным, не принимал всерьез его „идеологии“ и умилялся его детской непосредственностью. <...> Он все прощал Фету за его поэтический талант, добродушие и остроумие. Певец природы сам казался ему „явлением природы“: его полнокровная чувственность, наивное эпикурейство, ребяческий эгоизм пленяли раздвоенного и отрешенного мыслителя».⁶

В настоящее время соотнесение имен Фета и Соловьева, особенно в связи с углубленным изучением истоков формирования религиозно-эстетической концепции русского символизма, стало уже привычным и мысль об устойчивой творческой связи Соловьева с Фетом никого не

---

⁶ Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский / Сост. и послесловие В. М. Толмачева; Примеч. К. А. Александровой. М., 1995. С. 150–151.

удивляет. Так, З. Г. Минц в свое время однозначно заявляла, что в поэзии Соловьев, бесспорно, ученик Фета.⁷ Этого мнения придерживаются и другие ученые.⁸ Важный материал о взаимоотношениях Фета и Соловьева содержится в подготовленной Н. П. Генераловой переписке Фета и Н. Н. Страхова. В своей вступительной статье автор фактически пишет о тройственном союзе — Фета, Страхова и Соловьева.

Между тем глубина, характер, сущность человеческих отношений и творческого диалога Фета и Соловьева продолжает оставаться неясной. Способствовать формированию более полного представления о взаимоотношениях Фета и Соловьева и должна публикуемая здесь переписка. Эпистолярный диалог Фета и Соловьева, хотя и сохранился лишь частично (большая часть писем Фета к Соловьеву неизвестна), — важнейшая страница в истории русской литературы конца XIX века, способная открыть процессы преемственности и эволюции русской литературы.

Долгое время дату знакомства Фета с Соловьевым относили к началу 1881 года.⁹ По наблюдениям Т. Г. Никифоровой, публикатора неизданных писем Фета к Л. Н. Толстому, встреча Фета с Соловьевым приходится на последние числа декабря 1880 года.¹⁰ Однако существует свидетельство, что Фет и Соловьев достаточно близко общались еще в середине 1870-х годов. Так, биограф Соловьева С. М. Лукьянов пишет: «Н. И. Кареев передавал нам, что 16-го января 1875 г. Соловьев пригласил его к себе по случаю дня рождения. <...> В гостях <...> были также А. А. Соколов, Л. М. Лопатин и А. А. Шеншин-Фет».¹¹ С уверенностью можно утверждать только то, что история собственно творческих взаимоотношений Фета и Соловьева, отмеченных не только общими интересами, но и человеческой близостью, начинается в 1881 году, с первых писем.

⁷ Минц З. Г. Владимир Соловьев — поэт // Минц З. Г. Поэтика русского символизма. СПб., 2004. С. 285, 311.

⁸ См.: Гинзбург Л. Я. О лирике. 3-е изд. М., 1997. С. 250; Глушкова М. А. Символ в поэзии Аф. Фета и Вл. Соловьева // Грехневские чтения. Нижний Новгород, 2006. Вып. 3. С. 184–188; Лагунов А. И. Адаптация поэзии А. Фета в софийной лирике Вл. Соловьева // Фетовские чтения (XXI). Курск; Орел, 2007. С. 272–280 и др.

⁹ Летопись (1985). С. 177.

¹⁰ Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому. 1859–1881 / Публ. и коммент. Т. Г. Никифоровой // ЛН. Т. 103. Кн. 2. С. 94, коммент. 4.

¹¹ Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы: Материалы к биографии. Пг., 1921. Кн. 3. Вып. 1. С. 77 [репринт: М., 1990]. В первой половине января 1875 г. Фет находился в Степановке (см. его письмо к жене от 11 января 1875 г.). В письме к П. И. Борису от 21 февраля 1877 г. читаем: «С горем услышал об оставлении кафедры Соловьевым» (РГБ). За эти сведения благодарю И. А. Кузьмину.

Молодому Вл. Соловьеву вообще было свойственно оглядываться «назад» — на Достоевского, Толстого, Аксакова, в том числе и на Фета. Н. В. Котрелев точно замечает: «Одна из важных характеристик личности Соловьева состоит в его выходе из своего поколения назад, в связь с самыми яркими, значительными представителями старших поколений <...>». ¹² Видя свою задачу в том, чтобы создать фундамент для построения нового культурного здания и определить основы нарождающегося нового типа сознания, он обращался к предшественникам, дабы подвергнуть ревизии, разборке «старый» материал, который может участвовать в новом духовном строительстве. При этом Соловьев, легко увлекаясь идеями предшественников, глубоко переосмысливал их и быстро шел вперед, полемизируя и развенчивая ценности своих старших друзей-единомышленников. Так было со славянофильством и Аксаковым, так было с Л. Н. Толстым и «толстовством», так было и с Н. Н. Страховым. В этом смысле отношения с Фетом представляют своего рода исключение, так как за десятилетие они не только не распались, но с каждым годом углублялись и становились все более устойчивыми. Судя по всему, Фет осознавался Соловьевым как одна из важных фигур, непосредственно предвосхищающих новую культурную и духовную эпоху, наступление которой он сам предчувствовал и предуготовливал. Художественное сознание Фета «открылось» Вл. Соловьеву как почва для произрастания новых философско-эстетических и религиозных побегов мысли.

С другой стороны и для Фета в 1880-е годы близость Соловьева оказалась очень важна и сыграла исключительную роль. Известно, что в последние годы жизни Фет остро переживал свое духовное одиночество, чувствовал и осознавал непонятость эпохой, о чем с горечью признавался своим корреспондентам. В предисловии к третьему выпуску «Вечерних огней» (1884), он отмечал, что его поэзия подвергнута «гонению за чистоту своего служения», однако прибавлял: «...чем единоголоснее с одной стороны становился хор порицателей, тем с большим участием и одушевлением подходили на помощь нашей музе свежие силы несомненных знатоков дела <...>». ¹³ Вл. Соловьев и выступил одним из таких знатоков.

Связь с Соловьевым для Фета 1880-х годов весьма симптоматична. В этот период стареющий поэт вообще ориентирован на молодое поко-

---

¹² Соловьев В. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика / Составление и коммент. Н. В. Котрелева. М., 1990. С. 484 (Из лит. наследства).

¹³ *ВО* 1979. С. 241.

ление, в среде которого возникает целый круг почитателей его таланта, страдавших, по их собственным признаниям, своеобразной фетоманией.¹⁴ Фет испытывал особенный интерес к молодым литературным силам, выразившийся в подчеркнуто бережном отношении не только к Соловьевым, но и к К. Р., сыном Я. П. Полонского — Александром, А. А. Голенищевым-Кутузовым, Ю. Н. Говорухой-Отроком, в ведении переписки с П. П. Перцовым, Д. П. Шестаковым, В. А. Шуфом и др.

Фет не просто принимал поклонение молодых литераторов, он всячески старался поддержать с ними творческие и человеческие отношения. Вероятно, для самого Фета это было связано с поиском литературного наследника, поэтического преемника. М. Волошин в рабочем плане статьи «Цветение русской поэзии в первые десятилетия XX в.» точно обозначил тезис, характеризующий эпоху 1880-х — начала 1890-х годов: «Фет ждал поэта».¹⁵ Он же писал: «Конец восьмидесятых и начало девяностых годов было самым тяжелым временем для русской поэзии. Все потускнело, приникло и окостенело. Публика жила воспоминанием о Надсоне, а поэты перепевали из него. / Из стариков был жив только Фет, который после девяти лет молчания тогда написал „Вечерние огни“. Он был могикинином, пришедшим с другого конца столетия. На его памяти поэты отходили один за другим, и русский стих, который он нашел во всей его пушкинской весенности, угасал. Новые поэты не приходили. Говорят, что он в последние годы своей жизни с напряженным, болезненным вниманием прочитывал каждый вновь появившийся сборник стихов: ждал идущих на смену».¹⁶

Известно, что для бездетного Фета идея наследственности, преемства стояла очень остро и в реальной жизни решалась через активное участие в судьбе племянников — П. Борисова, О. Галаховой. Молодые почитатели поэтического таланта Фета выступали в своеобразной роли его «литературных племянников», продолжателей его творческих начинаний. Скорее всего, так их воспринимал и сам Фет. Не случайно, в одном из писем к Соловьеву, напоминая своему корреспонденту об обещании приехать в Воробьевку, Фет пишет об «исторических правах» на его «любезность» (см. письмо 3).

Однако Вл. Соловьев занимает особое место и в кругу молодых поклонников таланта Фета. Место Соловьева в завершающий творческий

¹⁴ См.: *Перцов П.* Литературные воспоминания. 1890–1902 гг. М.; Л., 1933. С. 91.

¹⁵ *Волошин М.* Собр. соч. М., 2008. Т. 6. Кн. 2. С. 709.

¹⁶ Там же. М., 2007. Т. 6. Кн. 1. С. 113.

период жизни поэта — исключительное. Письма Фета и Соловьева отмечены не только «пристрастием»¹⁷ более молодого творца к своему старшему коллеге, но и несут мощное полемическое начало. В этой полемике созревали многие идеи Соловьева, но также происходило становление и осмысление Фетом своего поэтического и духовного опыта.

Осмелимся предположить, что общение с Фетом сыграло немало важную роль в формировании содержания работы Соловьева «Духовные основы жизни» (1882–1884). Самые разнообразные мемуарные и эпистолярные материалы свидетельствуют также о том, что Соловьев высоко ценил ум Фета, «вольнодумца и еретика», как его именовал Н. Н. Страхов. Он обнаружил в Фете не только блестящий лирический талант, но и мыслителя-парадоксалиста, что не могло не привлечь его еще более.

Интерес Фета и Соловьева друг к другу был взаимный и обоюдострый. Не только Соловьев тянется к Фету, но и сам Фет заинтригован поисками Соловьева, о чем свидетельствует письмо от 14 марта 1881 года, в котором поэт признается, что испытывает «высокий умственный интерес» к личности адресата (см. письмо 3). Не случайно, именно Соловьева Фет назовет «дорогим зодчим» первого выпуска сборника «Вечерние огни».¹⁸

В самом начале в сближении Фета и Соловьева важную роль сыграл психологический фактор. Оба творца в это время чувствуют себя в творческом мире одиноко и неприкаянно. Так, в письме от 10 февраля 1881 года Фет признается С. А. Толстой (супруге А. К. Толстого), что не знает «на Руси человека пера, чтобы не сказать — мысли, который бы находился в подобных мне условиях почти абсолютного одиночества».¹⁹ В отношении Соловьева К. В. Мочульский замечал: «1881 год — поворотный пункт в жизни Соловьева. Он бросает философию и отдается

---

¹⁷ Ср. с письмом Н. Н. Страхова к Фету от 31 января 1885 г.: «Часто вспоминаем и об Вас, и читаем друг другу Ваши письма. Об романсе

Угадал — и я взволнован

мы поспорили; я говорил, что это шутка, а он (Соловьев. — Г. П.) не соглашался, видя тут только веселое волнение. Вообще он к Вам *пристрастен* более моего и возражает на самые легкие мои замечания» (Фет/Страхов. С. 390. Курсив наш. — Г. П.).

¹⁸ См. воспроизведение дарственной надписи Фета Соловьеву на первом выпуске «Вечерних огней» в кн.: *ВО* 1979. С. 27.

¹⁹ Письма к графине С. А. Толстой Ив. Серг. Тургенева, Влад. Соловьева, Ф. Достоевского, Шеншина-Фета, гр. В. Соллогуба, Я. П. Полонского и др. // *ВЕ*. 1908. № 1. С. 219.

общественной деятельности, публицистике и полемике; наступает период борьбы, пропаганды и проповеди. Соловьев отходит от славянофильства и даже от православия <...> Его бывшие друзья становятся его злейшими врагами. После разрыва с Аксаковым он переходит в лагерь позитивистов-западников, идеология которых в основе своей ему совершенно чужда. Так, „двух станом не боец, а только гость случайный“, он живет в полном духовном одиночестве; одним он кажется безобидным чудачком, другим — опасным смутьяном; его боятся, им восхищаются, но всем он чужой». ²⁰

Первоначально Фета и Соловьева объединили общие культурные при страстия, философские интересы и критическое отношение к современной российской действительности. Не будем забывать, что в 1870-е годы Соловьев выступал в роли церковного и государственного публициста, что не могло не привлечь Фета, критически настроенного по отношению к общественно-государственному устройству России второй половины XIX века. Не случайно, в письме от 27 июля 1885 года Соловьев признавался Фету: «Часто *соединившись с Вами в духе, ругал иссушитель нашей земли, благодаря которым Россия скоро превратится в продолжение среднеазиатских пустынь*» (Курсив наш. — *Г. П.*; см. письмо 17).

Пересекаются Фет и Соловьев и на внимании к переводческой практике и римской культуре. По крайней мере, первое поэтическое обращение Соловьева к Фету отмечено почитанием его переводческого таланта и написано в качестве поздравительного приветствия на при суждение Фету Пушкинской премии за полный перевод од Горация (см. письмо 13). Если, как утверждал Н. Н. Страхов, Соловьев в Риме и его догматах искал внутренних точек опоры, то для Фета римская литература также была не просто предметом переводческой деятельности, а одним из источников формирования собственной творческой позиции. 1880-е годы проходят под знаком не просто дружбы, но активного творческого сотрудничества Фета и Соловьева, который помогает поэту в 1885 году в переводах Катулла, в 1886-м — Овидия. Кульминационный этап этого «римского» сотрудничества Фета и Соловьева связан с периодом пребывания последнего в Воробьевке весной — летом 1887 года, когда Фет привлек его к переводу «Энеиды» Вергилия. ²¹

Как следует из писем, Соловьев был предельно заинтересован фетовским переводом Шопенгауэра и даже принял участие в подготовке

²⁰ Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 154.

²¹ Об этом см. письма Вл. Соловьева к М. С. Соловьеву за 1887 г.: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 106, 107, а также: Переписка А. А. Фета с Д. И. Нагуевским (1887–1890) / Публ. С. А. Ипатовой // *ФетСб(1)*. С. 365–449.

его издания. Но первоначальный толчок к активным взаимоотношениям Фета и Соловьева дала подготовка к изданию фетовского перевода «Фауста» Гёте. Так, в письме от 30 января 1881 года Н. Н. Страхов сообщал Фету: «И „Фауст“ Ваш имеет успех. Соловьев взял у меня рукопись и читал ее у гр. Толстой и у Бестужева-Рюмина: все очень восхищались <...>. Соловьев обнаруживает большой жар и усердие, и, я думаю, сделает много хорошего».²² Соловьев действительно становится поклонником и пропагандистом-популяризатором фетовского перевода. В письме Фета от 5 февраля 1881 года к С. В. Энгельгардт находим признания: «А она (папка с готовым переводом. — Г. П.) в это время гуляет, благодаря Владимиру Соловьеву, который его в два раза выучил наизусть, по Питеру и, как мне пишут, с большим успехом. Там между прочим гр. Толстая <...> взялась делать заметки. Заметки сделал мне и сам Соловьев. Понемногу я тоже исправил, признав их дельными. Одно замечание философское — капитальное, и я не мог с ним согласиться. <...> Соловьев, знающий оригинал наизусть, — говорит, что перевод производит действие оригинала».²³ Даже выступив с инициативой задержать печатанье перевода до полной отделки, Соловьев писал Фету: «Я совершенно понимаю вашу неохоту возиться с отделкою частных вашего перевода и думаю, что он в целом настолько хорош, что можно и должно его печатать во всяком случае» (см. письмо 2).

На основе общих культурных интересов отношения Фета и Соловьева становятся глубоко личными. Достаточно большой корпус дошедших до нас писем Фета и Соловьева носит по преимуществу бытовой характер. Особенно это характерно для так называемых московских периодов жизни Соловьева, когда он находился в непосредственной близости к Фету и его московскому пристанищу, дому на Плющихе. Эти небольшие записки убедительно доказывают, что Фет и Соловьев состояли в более чем доверительных отношениях, отчасти даже «родственных». Именно в этом контексте необходимо рассматривать и ту иронию, которая пронизывает отдельные упоминания о Фете в письмах Соловьева к другим корреспондентам. В одном из них Соловьев непосредственно именует Фета «дедушкой», указывая не только на его старческий возраст, но и подчеркивая какую-то родственную связь с ним.²⁴

Несколько иной характер носит переписка Фета и Соловьева второй половины 1880-х годов, когда оба они по разным причинам находятся

²² Фет/Страхов. С. 329.

²³ Письма к Энгельгардт. С. 388.

²⁴ См.: Соловьев. Письма. Т. 3. С. 110, 112, 152, 156.

на некотором отдалении друг от друга. В письма врывается мощное интеллектуальное начало, хотя и не раскрытое широко. Таким образом, постепенно отношения Фета и Соловьева обрели статус духовной близости.

При всех мировоззренческих и эстетических разногласиях с Соловьевым, о которых он неоднократно писал своим корреспондентам — Л. Н. Толстому, Н. Н. Страхову и др., Фету был близок пафос утверждения и примирения, который определял творческую позицию Соловьева, о чем свидетельствует и одно из признаний Страхова: «Соловьев интересен тем, что отзывается на все и все хочет примирить».²⁵ Из этого пафоса и складывалось представление о мире как «положительном всеединстве», рождающемся «из совмещения всего лучшего в „духовном“ мире и в опыте человечества, как „синтез Истины, Добра и Красоты“».²⁶ З. Г. Минц писала: «„Положительное“ всеединство — мир высокой сложности (в этом основное отличие идеалов Вл. Соловьева от Л. Н. Толстого). Но сложность эта — не бессмысленный конгломерат, а гармоническая и стройная система. Гармоничность прекрасного „богочеловеческого“ мира проявляется прежде всего в том, что все, причастное к нему, *имеет значение*, а его сложность — во *множественности этих значений* <...>».²⁷ Отметим, что соловьевская идея «прекрасного богочеловеческого мира» выстраивалась, в том числе, и под влиянием лирического опыта Фета, чья поэзия основывалась на изображении множественности и сложности «душевной жизни», в которой все, вплоть до минутного порыва, имело значение. По поводу лиризма Фет писал в «Предварительном замечании» к переводу од Горация: «Если Гораций в одах эпикуреец, то, как лирик, он прав. Лиризм — выражение минутного порыва; не указывай он на минуту, кто же стал бы его читать?»²⁸ Фет высоко ценил стремление Соловьева к «единству», примирению, соединению, так как путь любого отрицания, по его мнению, ложен и способен довести до «всемирного самоубийства», до «разложения личной и государственной инициативы».²⁹

²⁵ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870–1894 / С предисл. и примеч. Б. Л. Модзалевского // Толстовский музей. СПб., 1914. Т. 2. С. 262.

²⁶ Минц З. Г. К генезису комического у Блока (Вл. Соловьев и А. Блок) // Труды по русской и славянской филологии (Ученые записки. Вып. 266). Тарту, 1971. Т. 18: Литературоведение С. 132.

²⁷ Там же.

²⁸ К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. А. Фета. М., 1883. С. 194.

²⁹ Там же. С. XXIII.

По Соловьеву, великая заслуга Фета заключается в том, что он осуществил в своем творчестве плодотворную работу по углублению в себя и устранению от «власти внешней мирской неправды».³⁰ Повторимся, Фету был глубоко чужд «поиск личного Бога», предпринимаемый Соловьевым. В противовес соловьевской идее «богочеловеческой личности», рождения «духовно нового человека»³¹ он заявлял: «...то, что вечно — человечно» и «...убедитесь, что люди все те же <...>».³² И все же он оценил глубину проникновения Соловьева в основы своей эстетической и жизненной позиции.

«Пристрастие» Соловьева к Фету-поэту и, наоборот, глубокий интерес последнего к духовным поискам своего молодого друга, нашедшие рельефное отражение в их переписке, позволили осуществиться переносу ценностей одной литературной эпохи в пространство новой, еще только нарождающейся.

Из переписки Фета и Соловьева, которая имеет особое значение в связи с продолжающейся работой над 20-томными собраниями их сочинений, проясняются творческие истории как отдельных поэтических выступлений и творческих начинаний Фета, так и философских и литературно-критических статей Соловьева, в том числе статьи «Красота в природе», которая была опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» (1889. Кн. 1) под заглавием «О красоте в природе», статьи «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского»³³ и др.

Письма Соловьева публикуются по подлинникам, хранящимся в Научно-исследовательском отделе рукописей РГБ: Ф. 315. К. 11. № 15, 16, а также в Рукописном отделе ИРЛИ: Р. II. Оп. 1. № 1951; № 20290; Фета — по машинописным копиям Н. Н. Черногубова: РГБ. Ф. 315. К. 4. № 24. Письма Фета печатаются с сохранением вставок в текст машинописных копий, сделанных, вероятно, А. Е. Тарховым при их первой публикации.

Тексты писем Фета и Соловьева приближены к нормам современной орфографии и пунктуации, за исключением случаев, характеризующих особенности авторского написания.

---

³⁰ Соловьев В. С. Собр. соч.: В 8 т. СПб., [1901]. Т. 2. С. 382.

³¹ Там же.

³² К. Гораций Флакк. С. XXI.

³³ Русское обозрение. 1890. № 12. С. 626–654.

1

Соловьев — Фету

Январь 1881 г. (?) Москва

Очень рад, многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, что Вы приехали. Приезжал в день Вашего отъезда проститься, но уже не застал.¹ До свидания. Сердечный поклон Марье Петровне.

Преданный Вам Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Датируется предположительно, по содержанию: возможно, речь идет о поездке Фета в конце декабря 1880 — начале января 1881 г. по приглашению Н. Н. Страхова в Петербург (см.: *Фет/Страхов*. С. 328, 335).

¹ Фет выехал в Петербург 25 декабря 1880 г. (см.: Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому // *ЛН*. Т. 103. Кн. 2. С. 92). По возвращении из Петербурга в Москву он встречался с Соловьевым, о чем сообщал Л. Н. Толстому в письме от 29 января 1881 г. (см.: Там же. С. 93).

2

Соловьев — Фету

10 марта 1881 г. Петербург

10 марта 81. Пбг.

По-видимому, Вы не получили моего письма из Москвы,¹ высокоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Я и тогда думал, а теперь тем более полагаю, что раньше осени издавать «Фауста»² было бы и трудно, и невыгодно. Это мнение разделяют и Николай Николаевич Страхов³ и графиня.⁴ Сам я на святой⁵ буду в Москве, а потом в разных местах, Николай же Николаевич не возьмет *теперь* на себя труд издания. Вообще издавать, мне кажется, было бы удобнее в Москве, где я думаю с осени поселиться окончательно, оставив чухонский Содом.⁶ Я совершенно понимаю Вашу неохоту возиться с отделкою частных Вашего перевода и думаю, что он в целом настолько хорош, что можно и должно его печатать во всяком случае. Разумеется, все, что можно мне будет сде-

лать, по указаниям графини и Толстого⁷ и других, я сделаю, но и для этого опять-таки нужно и некоторое время, тем более что помощь графини сколько ценна, столько же и трудно добываема. Во всяком случае, я надеюсь привезти Вам в конце весны или в начале лета Ваш перевод готовым к печати. В ожидании свидания остаюсь с совершенным почтением преданный Вам

Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 146.

¹ Письмо, о котором идет речь, не обнаружено.

² Имеется в виду осуществленный Фетом перевод трагедии И.-В. Гёте «Фауст», первая часть которого вышла в конце 1881 г. (Фауст. Трагедия Гете. Часть первая. Перевод А. Фета. М.: Тип. А. Гатцука, 1882). В «Моих воспоминаниях» Фет указывал, что начал переводить «Фауста» осенью 1879 г. (см.: МВ. Ч. 2. С. 367). Между тем, по мнению Н. П. Генераловой, Фет начал работу по переводу первой части трагедии осенью 1880 г., а завершил к концу января 1881 г. 29 января 1881 г. Фет сообщил М. П. Шеншиной, что высылает в этот день окончание «Фауста» Н. Н. Страхову (РГБ. Ф. 315. К. 2. № 26). Об участии Соловьева в распространении перевода Фета см. в письмах Н. Н. Стрхова к Фету от 30 января 1881 г. (Фет/Страхов. С. 329) и Фета к С. В. Энгельгардт от 5 февраля 1881 г. (Письма к Энгельгардт. С. 388).

³ Николай Николаевич Страхов (1828–1896) — философ, критик, общественный деятель. После личного знакомства с Фетом в 1876 г. стал одним из постоянных корреспондентов поэта, ценителем его таланта. Более подробно об отношениях Фета со Страховым см. во вступит. ст. Н. П. Генераловой к публикации их переписки (Фет/Страхов. С. 233–244). По мнению Н. П. Генераловой, именно Страхову Фет и Соловьев были обязаны своим знакомством. Страхов высоко ценил труд Фета-переводчика, в том числе и перевод «Фауста» Гёте, но советовал придержать его, дать ему отлежаться, что вызвало раздраженное замечание Фета, выразившееся в письме от 5 февраля 1881 г. к С. В. Энгельгардт: «„Фауст“ — это моя художественная религия — и пропаганда. Это вершина всего Гёте, и Вы убедились бы, вчитавшись в него — как я, благодаря только труду перевода, в него вчитался, — что там йоты нет лишней <...> я бы при жизни (мне 60 лет и мы все смертны) хотел видеть „Фауста“ в печати общим достоянием. — А между тем Страхов советует продержат в портфеле год, два. Трогать его в портфеле — я, как уже сказал, не стану. — А он есть пропаганда правды, света, разума» (Письма к Энгельгардт. С. 388–389).

⁴ Имеется в виду Софья Андреевна Толстая (урожд. Бахметева; в перв. браке Миллер; 1827–1895). По мнению С. М. Лукьянова, знакомство Соловьева с гр. С. А. Толстой состоялось в 1876 г. (Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. 2. С. 53). С этого момента Соловьев постоянно и близко общался с Толстой, с ее племянницей С. П. Хитрово и их кругом. В письме к Л. Н. Толстому

от 4–5 апреля 1877 г. Страхов писал: «Вчера, т. е. 4-го приходил ко мне Вл. Соловьев и, кажется, мы заведем с ним дружбу. Беда была в том, что тут до последнего времени жила графиня Толстая, вдова Алексея Толстого. Она, да еще другая дама, ее приятельница, — большие охотницы до философии, много читают и даже ходили для этого в Публичную Библиотеку. И вот Соловьев безвыходно сидел у этой Толстой, а с ним еще и другой молодой философ, князь Цертелев, приятель Соловьева, москвич, красивый юноша. Графиня, с которой я познакомился еще во Флоренции, встретившись со мной в Библиотеке, звала меня к себе, но посещение как-то не устроилось, и теперь она уехала в Черниговскую губернию. Графиня очень учена, даже знает по-санскритски несколько; <...> она очень проста и мила; ум ей приписывают необыкновенный» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 111–112). В свою очередь, Фет был также знаком с Толстой еще с 1870-х гг. В январе — феврале 1881 г. Фет и Толстая обсуждали возможность ее участия в редактировании перевода «Фауста». 22 января 1881 г. Фет писал ей: «Я перевел первую часть „Фауста“, и Влад<имир> Сергеевич Соловьев пояснил мне, — уже в Москве, — что превосходной формой и оконченностью отделки, напр., в „Бог и Баядера“ покойный граф Алексей (Толстой. — Г. П.) главным образом обязан вашей критике. <...> Если бы дело шло обо мне и я смотрел бы на свой перевод как на личный товар, то, конечно, не решился бы прибегнуть к вашей помощи. Но дело идет о русском переводе „Фауста“, которого до сих пор удовлетворительного нет. Я бы хотел добиться такого, и вопрос в том, угодно ли вам будет помочь этому делу некоторыми замечаниями, которых, — надо правду говорить, — ни от кого ожидать нельзя. Только привычная и тонкая рука может найти грань между положительно неверным духом или смыслом оригинала и законными требованиями от стихотворного перевода, в котором почти на каждом шагу непреодолимые препятствия. Многие настойчиво требуют безотлагательного, отдельного издания моего „Фауста“. / Конечно, в мои лета, далеко заглядывать неблагоприятно. Но еще неблагоприятнее явиться с изъятиями. Что касается до механической стороны дела, т. е. представления вам рукописи, то В. С. Соловьев любезно взял его на себя. / Весь вопрос сосредоточивается единственно на том, сообразовали ли вы посмотреть рукопись и позволите ли мне выслать сделанные по вашему указанию поправки на ваше благоусмотрение? / В случае вашего согласия не откажите почтить меня уведомлением <...>» (ВЕ. 1908. № 1. С. 223–224). С. А. Толстая ответила Фету 5 февраля 1881 г.: «Спасибо вам за ваше желание, чтобы я прочла вашего „Фауста“, я исполню это с самым великим удовольствием, вниманием и даже педантизмом, скажу вам со всеми подробностями, что мне нравится и что не удовлетворит меня. Но <мне> до сих пор еще не передал рукописи В. С. Соловьев, он отдал ее переписать. <...> Мне этот труд очень близок. Несколько раз Толстой думал о нем и даже начинал его. Много мы о нем говорили — я рада, что вы, именно вы взялись за него» (Кузьмина И. А. С. А. Толстая, С. П. Хитрово и Фет: К истории отношений // РЛ. 2005. № 1. С. 141). В ответном письме от 10 февраля 1881 г. Фет признавался: «...вы любезно обещали протянуть мне руку помощи по отношению к „Фаусту“. Но вы не знаете того, кому приходится помогать. Хоть вы будете отмечать „Фауста“, а помогать придется мне. Кто же я? Несмотря на исключительно интуитивный характер моих поэтических

приемов, школа жизни, державшая меня все время в ежовых рукавицах, развила во мне до крайности рефлексию. В жизни я не позволяю себе ступить шагу необдуманно <...>. / Свою умственную и матерьяльную жизнь я созидал по одному кирпичику. В матерьяльном отношении я не желаю ничего, кроме сохранения status quo. / <...> Что касается до моей умственной жизни, то, постоянно стараясь расширять свой кругозор, я дошел до сознательного чувства, что всякие вздохи о минувшей юности не только бесполезны, но и неосновательны. По законам духовной механики, что теряется в интуитивности, приобретается в рефлексии, и человек вместо того, чтобы походить на летящую ракету, которую кто-то поджег, напоминает наэлектризованный снаряд, заряда которого никто не видит и не подозревает, пока к нему не прикаснется. Я пришел к убеждению, что без общего мирозерцания, каково бы оно ни было, — все слова и действия человека, сошедшего с бессознательной quasi-инстинктивной стези, только сумбур и ряд противоречий. Говоря об электрическом снаряде, я говорю о себе. В исключительно интуитивной юности моей не могло быть и тени тех многообразных гражданских, экономических, философских интересов, которые меня теперь тайно волнуют и наполняют» (ВЕ. 1908. № 1. С. 219–220). Графине Толстой Фет посвятил перевод второй части «Фауста». В посвящении он писал: «Нескольким тонким указаниям Вашим на красоты 2-й части „Фауста“ и совету испытать над ним мои силы, — перевод обязан своим появлением» (ПЛ. 2005. № 1. С. 142).

⁵ Святая (или Фомина) неделя, когда Соловьев собирался быть в Москве, приходилась в 1881 г. на период со 2 по 7 мая.

⁶ Имеется в виду Петербург. Весной 1881 г. Соловьев планировал покинуть Петербург. Известны два его прошения на имя министра народного просвещения: 1) «Его высокопревосходительству г. министру народного просвещения. — Честь имею просить ваше превосходительство о разрешении мне двухнедельного отпуска в Москву на пасхальные праздники. — Причисленный к министерству, член ученого комитета, коллежский советник Владимир Соловьев. — 27 марта 1881 г.»; 2) от 20 апреля: «Его высокопревосходительству г. министру народного просвещения. — По случаю болезни честь имею просить ваше высокопревосходительство о разрешении мне трехмесячного отпуска в пределах Российской империи. При сем прилагаю врачебное свидетельство. — Причисленный к министерству н<ародного> пр<освещения>, член ученого комитета, коллежский советник Влад. Соловьев». (Лукьянов С. М. О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. 2. С. 84–85).

⁷ Имеются в виду С. А. Толстая (см. примеч. 4 к наст. письму) и Л. Н. Толстой. Фет был знаком с семьей Л. Н. Толстого с 1855 г. Более подробно об их отношениях см.: Розанова С. А. Лев Толстой и Фет (История одной дружбы) // ПЛ. 1963. № 2. С. 86–107. 21 ноября 1880 г., посылая Толстому перевод монолога Фауста («Но ах, я чувствую, в противность доброй воле...»), поэт сообщал: «...выписываю отрывок из труда, который всего меня в настоящую минуту поглощает и который мне теперь ужасно дорог, это такое богатство и разнообразие, что борьба трудна. Но надеюсь совладеть хоть удовлетворительно» (Толстой. Переписка. Т. 2. С. 114). Возможно Фет рекомендовал Соловьеву показать перевод «Фауста» и посоветоваться относительно редакции с Л. Н. Толстым.

3

Фет — Соловьеву

14 марта 1881 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. дор.
Станция Будановка

Марта 14.

Душевно уважаемый Владимир Сергеевич.

Приношу Вам мою живейшую благодарность за оба письма, хотя первое было мною, как это часто у нас бывает, получено с нарочным, отвезшим мое второе.¹ — Благодарю Вас за дорогой подарок «Крит<ики> отвлеч<енных> начал».² В настоящее время наслаждаюсь этим прекрасным плодом Ваших многообразных трудов и на досуге читаю его очень, по моим духовным силам, медленно, но не без толку. — И вообразите, все время браню Вас умственно, приговаривая, неужели такой умница может быть до того слеп, что воображает, что наша непочатая университетская молодежь или заурядная публика поймут тут хоть две строки рядом. Ведь это для них арабская азбука. Повторяю: я в восхищении от Вашей книги и, главное, от ее критической стороны. — Видали Вы, как торговцы хлебом печеным, икрой, говядиной — самым острым ножом отрезают кусок. Как аппетитно выходит. Таков Ваш *Diserimen gegum*.³ Просто загляденье.

Спешу захватить Вас этим письмом на месте. Мне уже представляется, что Вы уезжаете и Вас не отыщешь. А между тем после Святой Вы собираетесь быть всюду.⁴ — Не удивляйтесь же, что я напоминаю Вашему, свойственному, как Вы говорите, летам Вашим легкомыслию, данное мне обещание заехать ко мне на Будановку.⁴

Оставив в стороне высокий умственный интерес, связанный для меня с Вашей личностью, я имею некоторые исторические права на Вашу любезность. Я не только был однокашником по слов<есному> фак<ультету> с Вашим отцом,⁵ но он не один раз ссужал меня деньгами взаймы — будучи юношей толковым и нравственным, тогда как я был его антиподом. Что касается до Романовых, то я исконный приятель всего их дома, начиная с Вашего деда Владимира Павловича⁶ и кончая теткой Александрой Львовной Бржеской,⁷ с которой по сей день в переписке. Итак, *ein Mann, ein Wort*.⁶ При свидании сделаем общими силами,

¹ Анализ вещей (*лат.*).

⁶ дал слово — держи (*нем.*).

что можно над «Фаустом», которого издавать в настоящее время ни к селу ни к городу. — Но не забывайте разницы между 30-летним и 60-лет<ним> человеком. Вот объяснение моей торопливости.⁸ Жажду услышать Ваше суждение о труде Толстого.⁹ Через посредство Вашей категорической головы — я бы хоть услышал, что это такое. А то я ума не приложу. Если это просто критика известного текста и учения, — я ничего не говорю. Но если это этика — дидактика *ad usum delphini*,⁸ практическое руководство ничего не делать, то, право, мы, русские, менее всего нуждаемся в такой рекомендации. Вообще все наши страдания имеют один источник, мы не хотим ничего знать, а только приказывать в видах благодеяния. И вот и благодетельствуем всех цареубийством,¹⁰ общинным владением,¹¹ насильственным улучшением быта, не замечая, что только те благодетельствуют, которые, стоя на острове среди потока наших благодеяний, с ним не соприкасаются (купцы, мещане, дворовые). Но ведь если дать свободу силе вещей (которая в конце концов одолеет), то что же станут делать благодетели? Ведь им надо жить и веселиться на счет облагодетельствованных.

Коли правда, что универ<ситетская> молодежь очнулась и выкинула из своей среды коммунаров, слава ей. Но зато проклятие со стороны содомной литературы. «Аще кто соблазнит единого от малых сих».¹² Я не говорю про наше земство — это просто Панургово стадо,¹³ или Мольеровск <...>.¹⁴

Главное и главнейшее: напишите хоть, около какого времени Вас поджидать. Кроме 12 мая¹⁵ — я все время буду дома.

Искренний Ваш почитатель А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано (не полностью): *Фет А. А. Соч.*: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 321–322.

¹ См. п. 2.

² Речь идет о докторской диссертации Соловьева «Критика отвлеченных начал», впервые опубликованной в «Русском вестнике» (1877. Т. 132. № 11. С. 5–55; № 12. С. 463–511). Вероятно, Фет получил отдельное издание этого труда: *Соловьев Владимир*. Критика отвлеченных начал. М., 1880.

³ Отклик Фета на сообщенные ему Соловьевым планы на 1881 г. См. п. 2, а также примеч. 5, 6 к нему.

⁸ *Зд.*: бесцельная, никчемная (*лат.*).

⁴ *Будановка* — ближайшая к имению Фета Воробьевка железнодорожная станция, расположенная в 9 км от него. Речь идет об обещании Соловьева посетить Фета в Воробьевке. См. п. 2.

⁵ *Соловьев Сергей Михайлович* (1820–1879) — отец Соловьева, учился с Фетом в Московском университете, посещал студенческий кружок, собиравшийся в доме А. А. Григорьева. Фет вспоминал: «Как это сделалось, трудно рассказать по порядку; но дело в том, что со временем, по крайней мере через воскресенье, на наших мирных антресолях собирались наилучшие представители тогдашнего студенчества. Появлялся товарищ и соревнователь Григорьева по юридическому факультету, зять помощника попечителя Голохвастова, Ал. Вл. Новосильцев, всегда милый, остроумный и оригинальный. Своим голосом, переходящим в высокий фальцет, он утверждал, что московский университет построен по трем идеям: тюрьмы, казармы и скотного двора, и его шурин приставлен к нему в качестве скотника. Приходил постоянно записывавший лекции и находивший еще время давать уроки будущий историограф С. М. Соловьев. Он, по тогдашнему времени, был чрезвычайно начитан и, располагая карманными деньгами, неоднократно выручал меня из беды, давая десять рублей взаймы» (*РГ*. С. 153–154).

⁶ Мать Соловьева — *Соловьева Поликсена Владимировна* (урожд. Романова) — из украинско-польской дворянской семьи Романовых, среди предков которой был известный украинский философ-писатель XVIII в. Григорий Сковорода (1722–1794). Ее отец, дед Соловьева, *Романов Владимир Павлович* (1796–1864), лейтенант 2-го флотского экипажа, из дворян Херсонской губ., воспитывался в Морском корпусе; в связи с делом декабристов приговорен к трехмесячному содержанию в крепости и отправке на службу лейтенантом Черноморского флота (1826). Вышел в отставку в 1861 г. в чине контр-адмирала; военный писатель.

⁷ *Бржеская Александра Львовна* (урожд. Добровольская; 1821–1901) — дочь Л. Л. Добровольского, владельца имения Сасовка в Херсонской губ. Фет познакомился с супругами Бржескими в период военной службы на юге Российской империи. В воспоминаниях он много писал о своих отношениях с Бржескими (см., например: *РГ*. С. 301–306). С А. Л. Бржеской Фет состоял в переписке, посвящал ей стихи «Далекий друг, пойми мои рыдания...», «А. Л. Б—ой» («Нет, лучше голосом, ласкательно обычным...») и др. Об отношениях Фета и Бржеской см.: *Блок Г. П.* Фет и Бржеская (Посвящается Б. А. Садовскому) // Начала: Журнал истории литературы и истории общественности. 1922. № 2. С. 106–123; *Кузьмина И. А.* А. А. Фет и «действующие лица „Кактуса“» (по неопубликованным письмам А. Л. Бржеской) // *РЛ*. 2008. № 2. С. 131–142. *Алексей Федорович Бржеский* был братом бабушки Соловьева, Екатерины Федоровны (урожд. Бржеской), которую также знал Фет.

⁸ Фет не был склонен задерживать печатанье перевода, считая, как он писал в письме к С. В. Энгельгардт от 5 февраля 1881 г., что главное — «это тон целого и Фет в него попал <...> А что есть недорисовки — это я сам знаю, но знаю, что едва ли Фет найдет их в своей кладовой, т. е. найдет полное соответствующее, ибо и то, что он уже нашел, границит с чудом <...>» (*Письма к Энгельгардт*. С. 388). В письме от 27 марта 1881 г. Фет, имея в виду Соловьева и Страхова, жаловался той же корреспондентке: «Связался я с петербуржцами и никакого толку не добыю» (см.: Письмо А. А. Фета к С. В. Энгельгардт из коллекции М. С. Лесмана / Подгот. к публ., всту-

пит. ст. и примеч. Н. П. Генераловой // *Фетовские чтения (XIII)*. Курск, 1998. С. 144). См. также п. 2. примеч. 3.

⁹ Приблизительно с 1879 г. Л. Н. Толстой встал на путь религиозных исканий и начал работу по переводу и истолкованию Евангелий. Фет критически отнесся к новой работе Толстого.

¹⁰ 1 марта 1881 г. в Зимнем дворце вследствие смертельного ранения, полученного на набережной Екатерининского канала в Петербурге от взрыва бомбы, брошенной народовольцем Игнатием Гриневицким, скончался Александр II. Фет откликнулся на это событие стихотворением «1 марта 1881 года» («День искупительного чуда...»), впервые напечатанным в «Русском вестнике» (1881. № 4. С. 726).

¹¹ Проблема перспектив общинного землевладения была одной из самых острых публицистических тем последних десятилетий XIX в. Как практик и публицист Фет в своих очерках «Из деревни» неоднократно выступал с резкой критикой идеи общинного землевладения и писал: «...идеал всякого живого организма в будущем, а не в прошедшем. Потому-то нам и не нужно ни общинного владения, ни крепостного права <...>» (*Фет. ССулП*. Т. 4. С. 139. См. также: *Фет А. Общинное владенье* / Публ. Г. Д. Аслановой и В. И. Щербакова // *Фетовские чтения (XV)*. Курск, 2000. С. 13–18).

¹² Цитата из Евангелия: «Иже аще соблазнит единого малых сих, уне есть ему, да обесится жернов осельский на выи его и потонет в пучине морстей» (Мф. 18, 6).

¹³ Устойчивое выражение, восходящее к книге Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», один из героев которого Панург извел баранье стадо купца Индюшонка, бросив самого лучшего из баранов в море, а за ним последовали все остальные.

¹⁴ Окончание фразы в копии — неразборчиво. Возможно, Фет сравнивает представителей земства с героем комедии Ж.-Б. Мольера «Тартюф» Оргоном, слепо доверяющим ловкому обманщику и лицемеру.

¹⁵ Отлучка Фета из Воробьевки планировалась в связи с проведением съезда мировых судей, который традиционно проводился в мае. В письме к Л. Н. Толстому от 29 января 1881 г. он писал о своих майских планах: «Если будет хорошая погода, около 12 мая буду у Вас, ибо в кач<естве> поч<етного> мир<ового> судьи должен быть 12-го в Мценске на съезде» (Неизданные письма Фета к Л. Н. Толстому. С. 93).

4

Соловьев — Фету

18 августа 1881 г. Красный Роз

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Не оправдываюсь в том, что до сих пор не доставил Вам «Фауста»,¹ но хочу только изложить смягчающие обстоятельства. Я несколько раз

в это лето собирался ехать к Вам с Вашею рукописью, чтобы вместе над нею поработать, и каждый раз принужден был откладывать свое намерение, не теряя надежды исполнить его после, а потому и держал у себя рукопись.

С другой стороны и графиня Толстая (краснорожская)² не по одному отсутствию энергии не исполнила своего обещания, но главным образом потому, что все лето должна была ухаживать за своею племянницей, опасно заболевшей.³

Через неделю, я думаю, к Вам все-таки приехать, но на всякий случай посылаю Вам заказным письмом один из двух имеющихся у меня экземпляров «Фауста», другой же привезу сам.⁴ Если опять не удастся приехать, то увидимся в Москве — это уж наверно.

Прошу Вас передать мое почтение Вашей супруге.

Страхов, вероятно, уж уехал в Константинополь.⁵

До свидания. Истинно Вас уважающий Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 147.

Датируется по почтовому штемпелю отправления: «Черниговск. Краснорож. 18 авг. 1881».

¹ Рукописи перевода «Фауста» находились у Соловьева. Об этом еще весной сообщал Фету Н. Н. Страхов. 6 апреля 1881 г. он писал ему: «Соловьев до сих пор не возвратил мне рукописи <...>», а 26 мая уточнял: «О Соловьеве ни слуху ни духу; увез Вашу рукопись и пропал. Его адрес: Брянск, Красный Рог, у гр. С. А. Толстой. Попробую ему написать» (Фет/Страхов. С. 333, 337).

² *Красный Рог* — имение в Мглинском уезде Черниговской губернии, доставшееся по наследству поэту А. К. Толстому, жившему здесь с 1861 г. до самой смерти; расположено в 45 км от Брянска в сторону Гомеля. После смерти Толстого имением владела его жена С. А. Толстая.

³ Речь идет о племяннице С. А. Толстой — *Софье Петровне Хитрово*, которая после разлада в семейных отношениях проживала с Толстой.

⁴ В августе 1881 г. Соловьев в Воробьевку не приехал. 6 августа 1881 г. Н. Н. Страхов писал Л. Н. Толстому из Воробьевки: «Сегодня, 6-го августа, я надеялся, что придет Соловьев; но он обманул по своему обыкновению» (Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. С. 293).

⁵ Н. Н. Страхов планировал летом 1881 г. заграничную поездку и в конце лета уехал на Афон. Позже им были напечатаны «Воспоминания о поездке на Афон» (РВ. 1889. № 10. С. 120–144). См. также его сборник «Воспоминания и отрывки» (СПб., 1892. С. 1–48).

5

Соловьев — Фету

20 мая 1882 г. Курск

Буду с вечерним поездом из Киева до свидания.¹

Владимир Соловьев.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 15.

Датируется по дате на бланке телеграммы.

¹ О пребывании в конце мая — начале июня Соловьева в Воробьевке свидетельствует также письмо Фета к С. А. Толстой от 10 июня 1882 г.: «Узнав на пороге дома о вашем приезде, я хотел обрушиться всей силой упреков на Соловьева, утаившего от нас при отъезде самую телеграмму. Но с своей неумолимой логикой он тотчас же обезоружил меня, доказав, что ни письмом, ни телеграммой он известить вас о нашем ожидании, за краткостью оставшегося времени, не мог» (ВЕ. 1908. № 1. С. 221–222).

6

Соловьев — Фету

Осень 1882 г. Москва

Дорогой Афанасий Афанасьевич!

Я заболел. Вчера даже думал, что совсем слягу. Сегодня лучше, но все-таки не выхожу. В прошлую среду вечером у Баратынских¹ одна дама, кн. Вяземская,² предсказала мне болезнь, но кратковременную. Так как первая часть предсказания сбылась, то, надеюсь, сбудется и вторая. Итак, до скорого свиданья.

Душевно преданный В. Соловьев.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 158.

Датируется по содержанию.

¹ Екатерина Ивановна Баратынская (урожд. Тимирязева; род. 1859) — племянница К. А. Тимирязева, жена московского вице-губернатора Льва Андреевича

Боратынского, переводчица, сотрудница издательства «Посредник». Достаточно подробный рассказ Е. И. Боратынской о себе и знакомых литераторах конца XIX в. зафиксирован С. М. Лукьяновым (*Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. 2. С. 19–29). Соловьев упоминает о ней в своих письма под инициалами «Катерина Ивановна». В ОР РГБ хранятся 14 писем Е. И. Боратынской к Фету (*РГБ. Ф. 315. К. 5. № 74*). Супруги Боратынские проживали в Москве с 1882 г. на Малой Никитской, где устраивали небольшие светские приемы.

² Подробных сведений о кн. Е. К. Вяземской обнаружить не удалось. По утверждению Е. И. Боратынской, княгиней Вяземской одно время был увлечен Соловьев (*Лукьянов С. М.* О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Кн. 3. Вып. 2. С. 25).

7

Соловьев — Фету

8 апреля 1883 г. Москва

Дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Нередко вспоминаю и скучаю о Вас, и хотелось бы мне пораньше попасть в Воробьевку.¹ Но раньше июня, пожалуй, не придется. Так как Вы упрекаете меня за молчание (как мне передавали), то вот я и собрался Вам написать. К тому же мне хочется Вам сказать, как мне горько и обидно и стыдно за русское общество, что до сих пор ни о «Фаусте»,² ни о «Вечерних огнях»³ ничего не было сказано в печати. Я пишу Страхову и Кутузову⁴ укорительные письма, если же они не подвигнутся, то я решусь взяться не за свое дело и напишу хоть небольшую рецензию для собственного облегчения.

Здоровы ли Вы и что поделываете?

Напишите два слова.

Сердечно кланяюсь Марье Петровне и всем Вашим.

Искренно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

На конверте: Ст. Будановка (Коренная Пустынь).
Шеншину (с. Воробьевка).

Почтовый штампель отправления: 8 апр. 1883, Москва.

Печатается по подлиннику: *РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16*.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 147–148.

¹ *Воробьевка* — имение Фета, приобретенное им в 1877 г. В последние годы жизни Фет ежегодно проводил в Воробьевке весну и лето, захватывая порой и часть осени.

² Речь идет о выходе в свет второй части перевода Фета: Фауст. Трагедия Гете. Часть вторая / Пер., предисл. и примеч. А. Фета. М., 1883.

³ Имеется в виду выход в свет первого выпуска собрания неизданных стихотворений Фета «Вечерние огни» (М., 1883. Ценз. разрешение: 28 декабря 1882 г.), в подготовке которого Соловьев принял деятельное участие.

⁴ В недатированном письме к Н. Н. Страхову Соловьев писал: «А Вы так и не написали ничего о Фете — очень жаль, неужели его оценит один Буренин? Если увидите Кутузова, скажите, чтобы хоть он написал, а то, право, стыдно» (Соловьев. Письма. Т. 1. С. 15). Письма Соловьева к А. А. Голенищеву-Кутузову о «Вечерних огнях» Фета неизвестны. Свое мнение о «Вечерних огнях» Голенищев-Кутузов высказает только в 1888 г., уже после выхода в свет третьего выпуска. 31 января в газете «Гражданин» была опубликована без подписи его статья «Мысли русских читателей» (Гражданин. 1888. 31 января. № 31. С. 4), в которой лирика «Вечерних огней» называлась совершившемся чудом. Здесь же автор отмечал: «...отрезвленная критика вновь обратила и взоры, и внимание на некогда поруганную и осмеянную „фетовщину“, поняла ее высокую, непреходящую красоту <...>». 21 марта 1888 г. Голенищев-Кутузов прочитал в собрании Русского литературного общества (бывшего Литературно-драматического общества) реферат «О поэзии Фета» с подробным анализом лирического творчества поэта, который был опубликован под заглавием: «Вечерние огни. Стихотворения. А. А. Фета. 2 части, издание К. Солдатенкова. Москва 1863 г.; „Вечерние огни“. Собрание неизданных стихотворений А. А. Фета. 3 выпуска 1883, 1885, 1888 г.» (РВ. 1888. № 4. С. 368–383). Голенищев-Кутузов писал: «...творчество г. Фета не только не ослабело, не поблекло с годами, но, если возможно, приобрело еще более яркости и своеобразия, а красота стиха и мастерство владения языком достигли той степени совершенства, далее которой, — по крайней мере в настоящее время — идти, кажется, уже некуда» (С. 381). В фонде Фета в РГБ хранятся 4 письма Голенищева-Кутузова к Фету (Ф. 315. К. 7. № 33). Известно также одно письмо Фета к Голенищеву-Кутузову от 5 февраля 1889 г. (РГАЛИ. Ф. 143. Оп. 1. № 215).

8

Фет — Соловьеву

14 апреля 1883 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
Станция Коренная Пустынь

14 апреля.

Давненько получил я, дорогой Владимир Сергеевич, Ваш милый фонтанчик¹ и, окруженный со всех сторон полой водой, не собрался отвечать Вам, а сказать хочется много, и не знаю, с чего начать.

1-е Среди долины ровных.² Нет:
Среди разлива страшного
Внезапно получил
Я телеграмму краткую.
«У вас ли Соловьев,
Скажите, что он нужен нам,
Что ждем его сейчас».³

Конечно, я отвечал, что Соловьева нет, и поэтому даже теперь сомневаюсь, попадет ли своевременно это письмо в Ваши руки. Утешаюсь мыслью, что добрые души Ваших домашних сжалятся и перешлют эту хартию⁴ к Вам.

2-е. Я считаю себя до того Вам близким, что могу говорить вещи, о которых следует молчать. Вы мне дороги не только по уму и образованию, но гораздо более сверх того, — что Бог сотворил Вас настоящим джентльменом до мозга костей. В Вас нет того вахлачества и тени, которой мы, русские, odorem.^a Когда я вижу эти тихие и ясные черты, мне становится легко, как ласточке под окном. Sapienti sat.⁶

3-е. Я на всех парах работаю над Горацием,⁵ и дело весьма спорится. Я так боялся эпод⁶ — по причине их формы, но теперь они у меня все за спиной.

Ночь была, и в небесах блистала луна озаренных,
Между мельчайших огней,
Как великих богов оскорбить ты готовая силу,
Вторила клятве моей и т. д.⁷

Теперь я зарылся по уши в прекраснейших сатирах поэта.

Это образец языка, практического ума, тонкости, словом, прелесть.

Конечно, перевожу буквально. Но работы много. Надо готовиться. Так много на каждом шагу подробностей, без которых ничего понять невозможно. Бью на то, чтобы иметь радость зимой отлично издать всего Горация с примечаниями, вновь пересмотренного. Он ужасно криво пишет, а это я только и ценю в поэте и терпеть не могу прямолинейных. Написал целых три новых стихотворения, которые оставлю до Вашего приезда.⁸ Читал Вашу прекрасную статью о церковных толкованиях среди граждан.⁹

Извините, не хочу справляться о заглавии.

4-е. Попадался ли Вам в № 25 мартовского «Нов<ого> врем<ени>» разбор моих виршей, — кого бы Вы думали? — Буренина.¹⁰

^a пахнем (лат.).

⁶ Знающему — довольно и этого (лат.).

И разбор мастерской, по-моему. В такой тесной рамке он растузил дураков на славу и указал на главнейшие черты моей музыки. Видно, что человек тонко понимает дело, хотя не могу понять, как тут же он восхищается прямолинейным Некрасовым? Бог с ними и со всей нашей интеллигенцией мужичкой, но удивительно, что Катков,¹¹ у которого я так много печатал, хоть бы пикнул.

5-е^в и главное. 10-го июня я выезжаю и возвращаюсь домой 14-го или 15 с Баратынской,¹² если она сдержит слово. — Итак, соображайтесь с этим; но, главное, не обманите наших с женой горячих ожиданий. — Попросите брата или милую сестричку¹³ черкнуть мне 2 слова, коли Бог почтовый наложил запрет на Вашу чернильницу. И адрес, адрес, адрес. Это одна из, нет — не из, а просто одна Ваша пята Ахилла. У меня всегда адрес печатный, а при перемене места все-таки адрес. А то: Гумбольту в Европе. — Буду ждать хоть звука с Вашей стороны.

Наши праздничные и будничные приветствия всем дорогим Вам.

Преданный Вам А. Шеншин.

Не прослышите ли у Вольфа, как идут мои книги.¹⁴

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногулова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано (не полностью): *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 322–324.

¹ Возможно, речь идет о стихотворении Соловьева «О как в тебе лазури чистой много...» (1881), опубликованном: Русь. 1882. № 42. С. 15. Список этого стихотворения сохранился в архиве Фета (*РГБ*. Ф. 316. К. 14. № 64).

² Фет цитирует первую строку популярной песни А. Ф. Мерзлякова «Среди долины ровныя» (1810) (см.: Русские народные песни / Сост. и введ. тексты В. В. Варгановой. М., 1988, под заглавием «Песня»).

³ Текст телеграммы, о которой идет речь у Фета, не обнаружен.

⁴ *Хартия* (лат. charta) — у римлян бумага из папируса, книга, документ.

⁵ Фет работал над завершением «труда жизни», начатого еще на студенческой скамье, — полного стихотворного перевода всех сочинений Горация (см.: К. Гораций Флакк. В переводе и с объяснениями А. А. Фета. М., 1883. См. также: *Вульх Н. В.* А. А. Фет — переводчик од Горация // *РЛ*. 2001. № 2. С. 117–122).

⁶ *Эпод* (*греч.* припев) — в данном случае особый род лирического стихотворения, изобретенный Архилохом и воспринятый Горацием. В эподах длинный стих сменяется коротким.

^в Так в подлиннике.

⁷ Цитируется строфа из эподы XV «К Неаре». См.: К. Гораций Флакк / В пер. и с объясн. А. Фета. М., 1883. С. 181.

⁸ Возможно, речь идет о стихотворениях «Только в мире и есть, что тенистый...» (с датой в автографе: «3 апреля 1883»); «Говорили в древнем Риме...» (также датированном 3 апреля 1883 г.) и «Теперь» («Мой прах уснет забытый и холодный...»), см. ниже примеч. 13.

⁹ Вероятно, речь идет о статье Соловьева «Несколько слов о наших светских ересях и о сущности церкви» (Русь. 1883. 1 апреля. № 7. С. 13–19).

¹⁰ Речь идет о рецензии В. П. Буренина на первый выпуск «Вечерних огней»: *Буренин В.* Новые стихотворения А. А. Фета // *НВр.* 1883. 25 марта. № 2540. С. 2. В ней критик дал характеристику стихотворений Фета «Окна в решетках, и сумрачны лица...», «Томительно-призывно и напрасно...», «Смерть» («Я жить хочу! — кричит он, дерзновенный...»), «Измучен жизнью, коварством надежды...», «В тиши и мраке таинственной ночи...», «После бури» («Пронеслась гроза седая...»), «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...», «Горячий ключ» («Помнишь тот горячий ключ...») и не скрыл своего восхищения этими лирическими шедеврами. Он писал: «К числу наиболее пародированных нашими юмористами поэтов, конечно, должен быть причтен А. Фет. Его всем известные пьесы <...> пародировались бесчисленно. Над его поэзией глумились и в стихах и прозе различные призванные и непризванные критики и рецензенты, либеральные „граждане“ и „обличители“. И, однако же, результат всех этих бесчисленных стихотворных и прозаических глумлений сводится, если говорить правду, на решительный нуль. Стихи Фета не только для людей, понимающих истинное искусство, не только для жрецов и поклонников изящного, но даже и для большинства читателей вообще <...> всегда были и всегда останутся превосходными в своем роде стихами». По мнению Буренина, Фет сумел, несмотря на проклятия и ожесточение односторонней критики остаться «лирическим певцом, которого вдохновляют лишь вечные и глубокие впечатления правды и человеческой души». Суть оценки рецензента «Вечерних огней» выражена в следующем утверждении: «Да это истинная поэзия, чудная по форме и полная содержания <...>». Более подробно о взаимоотношениях Фета и Буренина см.: *Петрова Г. В.* А. А. Фет и В. П. Буренин: К истории критического восприятия «Вечерних огней» // *РЛ.* 2010. № 4. С. 210–217.

¹¹ *Катков Михаил Никифорович* (1818–1887) — публицист, издатель журнала «Русский вестник», с которым Фет сотрудничал долгое время, публикуя не только стихи, но и публицистические статьи.

¹² См. примеч. 1 к п. 6.

¹³ Вероятно речь идет о М. С. Соловьеве, младшем брате Соловьева, и П. В. Соловьевой, его сестре, проживавшей вместе с матерью в Москве. 18 мая 1883 г. М. С. Соловьев писал Фету: «Вы удивляетесь, вероятно, молчанием брата, а между тем вот что с ним случилось: в начале месяца он уехал в деревню к Соллогубам и там заболел, вернулся он оттуда очень плохим и совсем нас перепугал; это было 7-го, вечером у него начался сильный бред и приехавший доктор сказал, что его положение очень опасно; болезнь тогда еще не определилась, предполагали, что тиф <...>. Теперь, слава Богу, все идет, как следует, пароксизмы прекратились, вообще ход болезни обещает, что он скоро совсем поправится, но сил еще совсем нет, и он очень

жалеет, что не может написать Вам. Письмо Ваше он прочел уже в постели, и я видел, что оно доставило ему большое удовлетворение. Стихи... одобряет. Позвольте присоединиться к этому и мне, особенно по отношению к „Теперь“. Можно надеяться, что теперь ему недолго придется сидеть дома, а когда начнет выезжать, непременно придет к Вам» (РГБ. Ф. 315. К. 11. № 18).

¹⁴ *Вольф Маврикий Осипович* (1825–1883) — издатель и владелец книгопродавческой фирмы. После смерти Вольфа издательство продолжало существовать под названием «Товарищество М. О. Вольф», один из магазинов его размещался в Москве на Кузнецком мосту, в бывшем доме ресторана «Яр». Перед самой смертью Вольфа возник проект издания двухтомного собрания Фета, о чем поэту сообщил 16 января 1883 г. Н. Н. Страхов: «Сегодня я заходил к христопродавцу, то бишь — к книгопродавцу Вольфу и вот что узнал, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Он желал бы издать Вас (и с „Вечерними огнями“) в двух томах в 12 долю, как Charpentier, и продавать по рублю, или по 1½ р. том, никак не дороже. 2000 экземпляров. Он хочет этими дешевыми и удобными изданиями *подновить* интерес к авторам и справедливо говорит, что читатели забывают тех, кого им редко предлагают. Мысль хорошая, и он великий мастер продавать книги. Но цены не сказал и срока не назначал. Если он начнет эти выпуски, то может быть дело состоится через год или два. Он предлагал Майкову, но Майков только что продал свое новое издание (5 томов) за 3000 руб. Марксу. Вот Вам и некоторая мерка; Вольф просит Вас самих назначить цену. Ваше имя ему хорошо известно, хоть он и не вникает сам в литературу» (*Фет/Страхов*. С. 353). Этот проект так и не был реализован. По предположению Н. П. Генераловой, через книгоиздательскую и книгопродавческую фирму М. О. Вольфа Фет продавал свои книги, через эту же фирму он переправлял свои издания в Петербург.

9

Соловьев — Фету

Около 14 октября 1883 г. Москва

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Я простудился и не выезжаю.

Моя мать просит Марью Петровну и Вас к нам обедать завтра в пять том часу.

Известите, пожалуйста, с посланным, можно ли Вас завтра ждать.

Передайте Марье Петровне мой сердечный поклон и поздравление с праздником.

Преданный Вам Влад<имир> Соловьев.

На конверте: Его Высокоблагородию
Афанасию Афанасьевичу
Шеншину
от Влад. С. Соловьева.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. № 1951. Л. 1–2; конверт — л. 3.

Датируется по содержанию. Возможно праздник, с которым Соловьев поздравляет М. П. Шеншину — Покров Святой Богородицы и Приснодевы Марии, который приходится на 14 октября.

10

Соловьев — Фету

23 ноября 1883 г. Москва

Сердечно поздравляю Вас, дорогой Афанасий Афанасьевич. Хотя я выезжаю и неделю прожил в Славянском Базаре,¹ «очистился и показался священникам»,² а сверх того постоянно употребляю в большом количестве дезинфекционные средства, например, вино, — тем не менее опасуюсь к Вам сегодня приехать, ибо хотя Вы сами и Марья Петровна, насколько помню, свободны от микробофобических суеверий, но быть может сегодняшние Ваши гости им весьма подвержены.

Во всяком случае, до свиданья. Мать и все мои усердно Вас поздравляют.

Сердечно кланяюсь Марье Петровне.

Искренне Вам преданный В. Соловьев.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 158.

Датируется по содержанию. Вероятно, Соловьев поздравляет Фета с днем рождения, который праздновался 23 ноября.

¹ *Славянский базар* — так именовалась гостиница и ресторан в Москве, расположенные на Никольской улице.

² Перефразированная цитата из Евангелия, отсылающая к сюжету излечения Христом прокаженного. Ср.: «Он простер руку, прикоснулся к нему и сказал: хочю, очистись. И он повелел ему никому не сказывать, а пойти показаться священнику и принести жертву за очищение свое, как повелел Моисей, во свидетельство им» (Лк. 5, 13–14).

11

Фет — Соловьеву

17 января 1884 г. Москва

Москва
Плющиха соб. дом
№ 481

17 января.

Дорогой Владимир Сергеевич.

Вчера в карете доехал до юбиляров¹ и слон сугубо наступил мне на грудь.²

Просьба напечатать прилагаемый стих.³ По своему безобразию я забыл имя и отчество Леонтьева,⁴ а между тем нужно избежать цензурных и Понтия, и Пилата. Нельзя ли Вам попросить Леонтьева мгновенно процenzуровать эту штуку, за которой я по его указанию пошлю в субботу.

Когда слон отступится, не знаю.

Будьте здоровы.

Если моя просьба мечта, пусть такой и пребудет.

Ваш А. Шеншин.

2 градуса тепла. Не забежите ли хоть на минутку.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

¹ 16 января 1884 г. в Москве праздновался двадцатипятилетний юбилей свадьбы Д. П. и С. С. Боткиных, родственников жены Фета.

² Имеется в виду приступ астмы, которой страдал Фет.

³ Речь идет о стихотворении Фета «Д. П. и С. С. Боткиным в день двадцатипятилетия их свадьбы 16 января 1884 года» («Сегодня пир отрадный мы венчаем...»), впервые напечатанном отдельным листком в Москве с датой ценз. разрешения: 17 января 1884 г.

⁴ *Леонтьев Константин Николаевич* (1831–1891) — дипломат, религиозный философ, писатель, литературный критик, публицист. С ноября 1880 по 1886 г. служил в должности цензора в Московском цензурном комитете.

12

Соловьев — Фету

Сентябрь 1884 г. (?) Москва

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич. Ваше стихотворение в Руси¹ начинается так: «Ныне первый мы слышали гром...». Я эти дни не свободен. Раньше вторника к Вам не соберусь.

Д<ушевно> п<реданный> Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 157.

Датируется предположительно по содержанию. Интерес Фета к упоминаемой в письме публикации стихотворения «Ныне первый мы слышали гром...» в «Руси» (1883. № 6. С. 21) мог быть связан с окончательным формированием второго выпуска «Вечерних огней», в состав которого оно вошло. Второй выпуск вышел в свет в конце октября — начале ноября 1884 г. Ценз. разрешение: 25 октября 1884 г.

¹ Газета «Русь» издавалась в Москве в 1880–1886 гг., основателем ее был И. С. Аксаков. Соловьев в начале 1880-х гг. был одним из активных сотрудников газеты.

13

Соловьев — Фету

22 октября 1884 г. Владимир

Дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

В дополнение к вчерашней телеграмме¹ посылаю Вам еще нижеследующее поздравление.

А. А. Фету

19 октября 1884 г.

Перелетев на крыльях лебединых
Двойную грань пространства и веков,
Подслушал ты на царственных вершинах
Живую песнь умолкнувших певцов.

И приманил твой сладкозвучный гений
Чужих богов на наши берега,
И под лучом воскресших песнопений
Растаяли Сарматские снега.

И пышный лавр среди степи нелюдимой
На песнь твою расцвел и зашумел,
И сам орел поэзии родимой
К тебе с высот невидимых слетел.²

Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 15.

Впервые опубликовано (без текста стихотворения): Северные цветы на 1901 год. С. 148.

Датируется по почтовым штемпелям: 1) 22 окт. 1884, Владимир; 2) 23 окт. 1884, Москва.

¹ Возможно, речь идет о поздравительной телеграмме, посланной Вл. С. Соловьевым, М. С. Соловьевым и О. М. Соловьевой Фету из Владимира 21 октября 1884 г.: «Сердечно радуемся поздравляем Ольга Михаил Владимир Соловьевы» (РГБ. Ф. 315. К. 11. № 19).

² Стихотворным поздравлением Соловьев откликнулся на присуждение Фету 12 октября 1884 г. первой Пушкинской премии за полный перевод Горация. По поводу этого стихотворения он писал Н. Н. Страхову: «Может быть, мой Манзи и Афанасий Великий соскучились по мне, а потому я прошу Вас сказать им, что я собираюсь в Петербург и чтоб они лежали спокойно. Я с своей стороны соскучился и по них, и по Вас. В конце этой или начале будущей недели, Бог даст, увидимся. <...> Печатное привезу, а из писанного сообщу Вам здесь нечто, а именно стихи, внушенные Афанасием — не Александрийским, а Воробьевским и Плющихинским. Это стихотворение мне самому, а также и другим показалось удачным, и если Вы, столь строгий (ко мне) критик, также одобрите сии стихи, то я должен буду согласиться с мнением Фета, что их „хоть сейчас в хрестоматию“» (Соловьев. Письма. Т. 1. С. 19). Мнение Фета о посылаемом стихотворении Соловьев передавал также в письме к М. С. Соловьеву (см.: Соловьев. Письма. Т. 4. С. 88). При публикации этого стихотворения в сборнике своих стихотворений (Стихотворения Владимира Соловьева. 2-е изд., доп. СПб., 1895) Соловьев сопроводил его следующим комментарием: «А. А. Фет, которого исключительное дарование, как лирика, было по справедливости оценено в начале его литературного поприща, подвергся затем продолжительному гонению и глумлению по причинам, не имеющим никакого отношения к поэзии. Лишь в последнее десятилетие своей жизни этот несравненный поэт, которым должна гордиться наша литература, снова приобрел благосклонность читателей и критиков. Первым публичным выражением этой перемены в отношении к нему было суждение Академии Наук, удостоившей полной Пушкинской премии его переводы из Горация и Гёте. Это признание его заслуг имело для Фета особенное значение потому, что было связано с именем боготворимого им Пушкина (сюда относятся слова „сам орел поэзии родимой“».

14

Соловьев — Фету

Конец декабря 1884 г. Саблино

Поздравляю новым годом Ювеналом здесь детей корь графиня уехала Ревель.²

Владимир Соловьев.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 15.

Датируется по содержанию, см. примеч. 1 к наст. письму.

¹ «Сатиры» Юния Д. Ювенала в переводе и с объяснениями Фета вышли в свет в Москве в конце 1884 г. (на титуле: 1885); ценз. разрешение 9 ноября 1884 г. В ноябре 1884 г. Соловьев выехал в Петербург (см. примеч. 2 к п. 13), а потом сразу в Пустынку. Об этом Фету писал Н. Н. Страхов 4 декабря 1884 г.: «Он (Соловьев. — Г. П.), как только приехал, в тот же день, через час после приезда, пришел в Библиотеку и сел за „Акты соборов“. И так было каждый день, а потом, несмотря на опасность заражения оспой, уехал в Пустынку. Не сегодня-завтра жду его назад — будет говеть. Мне он очень понравился, поздоровел, окреп» (*Фет/Страхов*. С. 387).

² Имеется в виду С. А. Толстая (супруга А. К. Толстого).

15

Соловьев — Фету

22 января 1885 г. Петербург

Я уже давно не в Пустынке,¹ а в Петербурге, дорогой Афанасий Афанасьевич, и потому и письмо Ваше² получил только сегодня с оказией. Спасибо Вам очень. Ношу я себя плоховато, зато работаю исправно и боюсь, что мой Левиафан не вместится и в двух томах.³ А по некоторому инстинкту мозговой гигиены предаюсь по временам сочинению мельхиседекообразных⁴ стихотворений. Так на днях, рассматривая книжку Некрасова,⁵ я отступил от правила *de mortuis aut bene aut nihil*^a — намельхиседечил следующее:

---

^a о мертвых или хорошо, или ничего (*лат.*).

ПОЭТУ-ОТСТУПНИКУ

(по прочтении «последних песен» Некрасова)

Восторг души — расчетливым обманом,
И речью рабскою — живой язык богов,
Святыню мирную — крикливым балаганом
Он заменил и обманул глупцов.

Когда же сам, разбит, разочарован,
Он вспомнить захотел былую красоту, —
Язык кощунственный, к земной пыли прикован,
Напрасно призывал нетленную мечту.

Тоскующей любви пленительные⁶ звуки
Животной злобы крик позорно заглушал,
Не поднимались коснеющие руки,
И бледный призрак тихо ускользал.

Кстати о Мельхиседеке: заезжал к больному Полонскому,⁶ разговор — сплошной Мельхиседек, и я уже начинал приходить в отчаянье. Но под конец отыскал детский журнал «Родник»⁷ и прочел мне оттуда свое стихотворение «Убежавшая больная»⁸ без всякого Мельхиседека очень хорошо, хотя несколько протяженно-сложно. В Пустынке еще больны.⁹ В Москву хочу непременно приехать так, чтобы Вас застать.

Сердечно кланяюсь Марье Петровне.

Искренне Вам преданный Влад<имир> Солов<ьев>.

P. S. А чем Вы докажете скептическому потомству, что ботинки действительно сшиты Толстым,¹¹ а не сделаны на заказ в магазине? Кстати о заказе: не удивляйтесь, что я посылаю это письмо заказным. Это только оттого, что отправление письма для меня есть событие чрезвычайно редкое, граничащее с областью чудесного.

На конверте: Grand Hôtel d'Europe St. Pétersbourg.

Заказное. В Москву

(Его Высокопревосходительству

А. А. Шеншину).

Плющиха, свой дом.

Почтовые штемпели: 1) 22 янв. 1885, Петербург; 2) 23 янв. 1885, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 148–149.

---

⁶ Над пленительные сверху вписано и зачеркнуто: ласкающие

¹ *Пустынка* — имение гр. А. К. Толстого под Петербургом на берегу реки Тосны; после смерти Толстого перешло к С. А. Толстой и С. П. Хитрово. Имение Пустынка пользовалось популярностью в среде литераторов и людей искусства. В 1880-х гг. Соловьев часто гостил в Пустынке. По его признанию, здесь в «милой сердцу стране» он написал немало стихотворений: мистерию-шутку «Белая лилия, или Сон в ночь на Покрова», поэму «Три свидания», философские труды, знаменитые «Белые колокольчики». См. также примеч. 1 к п. 14.

² Упомянутое письмо Фета не обнаружено.

³ *Левиафан* — чудовищный морской змей, упоминаемый в Ветхом Завете. Так Соловьев именует свою работу по написанию книги «История и будущность теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни» (Загреб, 1887. Т. 1), в которой сформулирует задачу примирения Востока и Запада через объединение церквей.

⁴ *Мелхиседек* (Мелхиседек) — царь справедливости, в Библии — царь Салимский, священник Всевышнего. В Ветхом Завете Мелхиседек упоминается в Быт. 14, 18, Пс. 109, 4. По возвращении Авраама с отбитыми у четырех побежденных восточных царей людьми и имуществом, Мелхиседек вышел к нему навстречу с хлебом и вином, благословил его и принял от него десятую часть всей отнятой у врага добычи. Местопребыванием его был город Иерусалим. Согласно Новому Завету, Мелхиседек пользовался большой известностью (Евр. 7, 1).

⁵ Речь идет о книге Н. А. Некрасова «Последние песни» (СПб., 1877).

⁶ *Полонский Яков Петрович* (1819–1898) — русский поэт и прозаик; друг и поэтический единомышленник Фета, состоявший с ним в переписке, однако в 1885 г. Фет и Полонский находились еще в ссоре, примирение произойдет в 1887 г. Более подробно о взаимоотношениях Фета и Полонского см. вступит. статью Т. Г. Динесман к публикации: *Фет/Полонский*. С. 555–588.

⁷ Имеется в виду детский журнал Е. А. Сысоевой (Альмединген) «Родник». См. о нем: *Юдина И. М., Иванова Л. Н.* Архив Альмедингенов (Из истории детской журналистики) // *Ежегодник РО ПД (1979)*. Л., 1981. С. 6–19.

⁸ Речь идет о стихотворении Я. П. Полонского «Сбежавшая больная» (Родник. 1884. № 1. С. 461). Ср. с отзывом, данным этому стихотворению И. Ф. Анненским: «„Сбежавшая больная“ — из новых стихотворений Полонского. Утомившаяся мать в слезах задремала, а больная девочка мечется и стонет. В предсмертной грезе ей чудится, что она убежала в сад, что

Звезды с ясными очами,
И мигают ей, и машут
Золотыми веерами...
И лучисто-золотая
К ней дорожка протянулась.

Изображение смерти в виде сна, в виде золотой грезы характерно для нашего поэта. В его идеализме нет мрачного ужаса Биргеровской баллады, нет и плаксивой нотки ранних произведений Жуковского: он берет у реализма и истому, и бред, стынящие ножки малютки, и плачущую мать, которая кричит и зовет дочь, но не берет у него той страшной обстановки смерти, которую мы находим в описаниях графа Льва Толстого или Флобера; в грезе умирающего ребенка все красиво: и роза,

и звезды, и дорожка из золотых лучей. Нельзя не отметить при этом отрицательной стороны подобных стихотворений: у Полонского они гораздо более красивы, чем теплы, в них нет той лирической жилки, которая бьется в стихотворениях на ту же тему у Майкова (у него есть целая серия) — это свободно и грациозно написанные картинки» (*Анненский И.* Стихотворения Я. П. Полонского как педагогический материал // *Воспитание и обучение.* 1887. № 5. С. 111).

⁹ См. п. 14 и примеч. к нему.

¹⁰ Возможно, в не дошедшем до нас письме Фет делился с Соловьевым историей с сапогами, сшитыми собственноручно Л. Н. Толстым (хранятся в музее Л. Н. Толстого в Москве). По получении Фетом сапог было составлено следующее свидетельство: «Сие дано 1885-го года января 15-го дня в том, что настоящая пара ботинок на толстых подошвах, невысоких каблуках и с округлыми носками сшита по заказу моему для меня же автором „Войны и мира“ графом Львом Николаевичем Толстым, каковую он и принес ко мне вечером 8-го января сего года и получил за нее с меня 6 рублей. В доказательство полной целесообразности работы я начал носить эти ботинки со следующего дня. Действительность всего сказанного удостоверяю подписью моей с приложением герба моей печати» (*Гусев Н. Н.* Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. М., 1970. С. 303).

16

Фет — Соловьеву

3 февраля 1885 г. Москва

Москва

Плющиха соб. дом

3 февраля.

Отче Мельхиседече.¹

Согрешах пред Фебом² и пред тобою. Читал Коршу³ прелестное стихотворение к Некрасову,⁴ и он убедил меня в моей ереси. Последний стих нисколько не хром, а это насчет цензуры показалось мне по молодости. Надо бы непременно напечатать это стихотворение. И стихотворение, и мастерство, и сам Мельхиседек полезен. Нужно разнавожить головы, хотя сам Геракл у них откажется от дела.⁵ Неужели нельзя говорить правды и тем, кого любишь.

Из всех людей пристрастных к...

Нет не то, из всех стихов, которые мне в новейшее время попадались, я не встречал настоящей грации, оттенка и правдивости, как в двух 1 янв<арских> к «Русс<кому> вестн<ику>» Ф. Л. Соллогуба.⁶ Очень мило. Исполать. Ну, побойтесь Бога. Какое мне дело, кто написал? Хорошо, ну и отлично. Страхов или болен, что было бы горько, или

завертелся — не пишет. Мой Катулл подвигается.⁷ Остаются большие гекзаметры эго более скучные, но менее трудные.

Горе, что новых ни переводов, ни комментариев на Проперция нет.⁸ Работы на все лето хватит. Буду себя обманывать надеждой обнять Вас в начале апреля. Поклонами усердствуем. Глаза плохи.

Будьте здоровы милый человек.

Преданный Вам А. Шеншин.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

¹ См. п. 15, примеч. 4.

² *Феб* — второе имя бога Аполлона (в переводе с греч. «сияющий»), покровитель искусств.

³ *Корш Федор Евгеньевич* (1843–1915) — филолог-классик, востоковед, слаvist, языковед и поэт, корреспондент Фета.

⁴ См. п. 15 и примеч. 5 к нему.

⁵ Обыгрывается миф об одном из подвигов Геракла, очистившего Авгиевы конюшни.

⁶ *Соллогуб Федор Львович*, граф (1848–1890) — русский художник, работавший в основном в театре. Выступал также как актер и поэт-любитель. Речь идет о его стихотворениях «Я не сказал тебе, что я тебя люблю...» и «Нас с тобой связали грезы...» (*РВ*. 1885. № 1. С. 410).

⁷ В 1886 г. вышло в свет издание: Стихотворения Катулла. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1886.

⁸ Позже Фет перевел и издал: Элегии Секста Проперция. Перевод А. Фета. СПб.: тип. В. С. Балашова, 1888.

17

Соловьев — Фету

27 июля 1885 г. Петербург

Тысячу раз собирался писать Вам, дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, и вот в тысячу первый приписываю. Часто, соединившись с Вами в духе, ругал иссушителей нашей земли, благодаря которым Россия скоро превратится в продолжение среднеазиатских пустынь.¹ Надеюсь, однако, что Воробьевка останется в числе немногих оазисов. А я все сижу над пустыней византийского богословия или многословия, которое наглядно доказывает, что и сухое может быть воднистым.² — В «Русском вестнике», не предупредивши меня, напеча-

тали Гафиза,³ так что я не успел послать Вам на просмотр в рукописи. Не просмотрите ли в печати? Грехи стихосложения я, кажется, все исправил. — Напишите мне, пожалуйста (по адресу Ник<олая> Ник<олаевича>⁴). Сердечно кланяюсь Марье Петровне, которой хотел телеграфовать 22,⁵ но побоялся Вас рассердить.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20290. Л. 83–83 об.

Впервые опубликовано: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 229.

Датируется по письму Н. Н. Страхова к Фету от 26–27 июля 1885 г., на котором записано данное письмо: *Фет/Страхов*. С. 400.

¹ По предположению Н. П. Генераловой, в данном случае Соловьев откликается на брошюру Фета «На распутье. Нашим гласным от негласного деревенского жителя», посвященную вопросам земледелия. Брошюра Фета была напечатана в Москве в типографии А. И. Мамонтова в 1884 г. (см.: *Фет/Страхов*. С. 400–401, примеч. 1 к п. 123).

² См. примеч. 1 к п. 14.

³ 24 стихотворения Гафиза в переводе Соловьева появились в № 6 «Русского вестника» за 1885 г. (С. 890–895): I. «Небо звездное, ты блещешь...», II. «Что деревья вихорь бурный...», III. «Всех, кто здесь в любовь не верит...», IV. «В мрачной келье замкнул я все думы свои...», V. «У меня затем лишь очи...», VI. «Мимо кельи моей...», VII. «Если б ведал ум как сладко...», VIII. «Пусть целый свет мне запрещает...», IX. «Для меня вопрос мудреный...», X. «Да свершится твоя воля...», XI. «Языков так много, много!...», XII. «Что живет на этом свете?...», XIII. «Не мани меня ты, шейх...», XIV. «Об улыбке твоей благодатной...», XV. «Трезвую воду Гафиз презирает...», XVI. «Горькой мудростью людскою...», XVII. «Бедный монах! Не поможет...», XVIII. «Ты носи меня камень мудрых...», XIX. «За стаканом стакан наливать...», XX. «С клубуком, сказать по правде...», XXI. «Воды, шумящие волны, — потоп угрожает...», XXII. «Зачем ты пьешь? я знать желаю...», XXIII. «Тише, тише! злобный свет...», XXIV. «Зданье жизни твоей ныне...». Вместе с этой подборкой были опубликованы также стихотворения Соловьева «На мотив из Мицкевича» («Пускай нам разлуку судьба присудила...»), «L'ONDA DAL MAR'DIVISA» («Волна в разлуке с морем...») (Там же. С. 896). Перед публикацией Соловьев, видимо, планировал познакомиться Фета, в молодости также переводившего Гафиза (см.: *Фет. ССНП*. Т. 2. С. 254–257), со своим переводом.

⁴ Имеется в виду Н. Н. Страхов.

⁵ 22 июля традиционно отмечались в Воробьевке именины хозяйки дома. Подобные извинения были высказаны Фету и Н. Н. Страховым: «Вчера, дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич, приехал сюда Соловьев. Вечером он сидел у меня, и я, между прочим, угостил его чтением Вашего последнего письма, при чем часто раздавался знакомый Вам заливающийся хохот, и я вторил. Пришли мы к заключению, что стыдно и грешно не писать Вам, что мы оба виноваты перед Марьей Петровной, пропустивши ее именины без поздравления» (*Фет/Страхов*. С. 399).

Соловьев — Фету

21 августа 1885 г. Петербург

Относительно Шопенгауэровского комитета,¹ дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, оба коринфянина² согласны с Вами, что сие неосуществимо. Если же Вы устроите неофициальный сбор в Москве, то я по приезде туда приму в оном участие своим дырявым карманом, а также карманом двух-трех друзей. Я лично отдам «цену беззакония», а именно гонорар за два старые и никуда не годные стихотворения, которые у меня взял Берг в свою «Ниву».³ Через месяц с небольшим надеюсь обнять Вас. На юг не еду. Сердечно кланяюсь Марье Петровне.

Преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

Что же Вы меня не поблагодарите за «бесов», которых Вы и знать не хотели?⁴

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20290. Л. 85–85 об.

Впервые опубликовано: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 230.

Датируется по письму Н. Н. Страхова к Фету от 21 августа 1885 г., на котором записано данное письмо: *Фет/Страхов*. С. 401–402.

¹ Учение немецкого философа А. Шопенгауэра было очень распространено в России в конце XIX в. Фет, осуществивший перевод главного труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1881), был одним из его популяризаторов. 10 декабря 1885 г. был дозволен цензурой трактат Шопенгауэра «О четверном корне закона достаточного основания» в переводе Фета (М.: тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1886). В 1888 г. исполнялось 100-летие со дня рождения Шопенгауэра и, возможно, в среде русских философов и литераторов в связи с подготовкой к этому событию возникла идея создания упоминаемого Соловьевым Шопенгауэровского комитета.

² По предположению Н. П. Генераловой, Соловьев имел в виду Страхова и себя (*Фет/Страхов*. С. 403).

³ Речь идет о стихотворениях Соловьева «Вся в лазури сегодня явилась...» и «У царицы моей есть высокий дворец...» (Нива. 1885. № 39. 28 сентября).

⁴ Имеется в виду роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (1871). Фет по прочтении романа писал о своем впечатлении Н. Н. Страхову (этот отзыв был, возможно, известен Соловьеву), однако письмо не сохранилось. Известен лишь ответ Страхова: «Очень восхищался я, дорогой Афанасий Афанасьевич, Вашими замечаниями, о Достоевском и Тургеневе. Так как художники творят людей по своему образу и

подобию, то Тургенев не мог создать крепких и умных лиц, а Достоевский непременно должен был создавать умных, но искалеченных нравственно» (*Фет/Страхов*. С. 401). Отчасти реконструировать оценку Фетом романа «Бесы» можно по письму С. В. Энгельгардт, которая признавалась: «Мне очень понравилось ваше оригинальное и меткое выражение: „я пролез через терновый куст романа Достоевского «Бесы»“. Его мог написать только человек, одержимый падучей болезнью, а какое было бы замечательное произведение, если бы оно вышло из-под пера здорового человека. Ивану Сергеевичу жутко было, когда он читал „Бесы“ и волей-неволей узнавал себя. И как эти люди не понимают, что популярность не дается заискиванием, и может ли человек добиться популярности унижением и отречением от своей собственной личности» (*Письма Энгельгардт*. Ч. 3. С. 119).

19

Соловьев — Фету

17 сентября 1885 г. Петербург

Не удивляйтесь и не порицайте меня, дорогой Афанасий Афанасьевич, за упорный коллективизм сих посланий. Это есть хороший способ ускорения движения для таких медлителей, как мы с Н. Н.¹ — Я говорю ему: Когда же Вы напишете Афанасию Афанасьевичу? Я бы приписал. — А он, написавши, дает мне листок, говоря: припишите поскорей: я сегодня и в ящик опушу.

Стихи Ваши читал и восхвалял, особенно второе.² Сам я упражняюсь в греко-латино-русской прозе:

Зову властительные тени
И их читаю письма.³ —

Это Ваши стихи, в эпиграфе к моей прозе. — Сегодня или, точнее, сею ночью здесь свирепствовала буря, способная, по выражению одного писателя, вырвать рога у несчастнейшего из супругов. По поводу рогов, хотя я и не могу их иметь, тем не менее пытаюсь бодать Каткова в «Руси»⁴ за его отрицание философии и унижение религии, а главное, за непрактичность его консервативного доктринерства. Видите, я поверил Вашему убеждению в моей практичности.

Сегодня собираюсь в Пустыньку на неделю,⁵ обработать кое-что касательно моей *idée fixe*,^a именно обзор полемики по вопросу о соедине-

^a навязчивой идеи (*франц.*).

нии церквей.⁶ — А там по малом времени — и в Москву, под родной и дружественный кров на Пречистенке и Плющихе.⁷

Очень кланяюсь Марии Петровне и обнимаю Вас. — До скорого свидания.

В<аш> Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: *ИРЛИ*. № 20290. Л. 89–89 об.

Впервые опубликовано: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 230–231.

Датируется по письму Н. Н. Страхова к Фету от 17 сентября 1885 г., на котором записано данное письмо: *Фет/Страхов*. С. 403–404.

¹ Имеется в виду Н. Н. Страхов.

² По предположению Н. П. Генераловой, первым стихотворением могло быть «Светоч» («Ловец, все дни отдавший лесу...») или (что более правдоподобно) «Я потрясен, когда кругом...» (оба опубликованы: *ВЕ*. 1886. № 1, а затем вошли в третий выпуск «Вечерних огней»). Вторым стихотворением, по всей видимости, было стихотворение «Я тебе ничего не скажу...» (2 сентября 1885 г.). См.: *Фет/Страхов*. С. 404, примеч. 3 и 4 к п. 125.

³ Цитата из стихотворения Фета «Когда от хмелю преступлений...», опубликованного впервые: *РВ*. 1866. № 1. Впоследствии это стихотворение было включено в первый выпуск «Вечерних огней» под заглавием «Сонет».

⁴ Речь идет о статье Соловьева «Государственная философия в программе Министерства народного просвещения» (*Русь*. 1885. 14 сентября. № 11. С. 5–8).

⁵ См. примеч. 1 к п. 15.

⁶ Под «*idée fixe*» Соловьев имеет в виду свою идею соединения церквей, которую он воплотил в обобщающем труде «История и будущность теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни». См. также примеч. 3 к п. 15. В декабре 1885 г. в «Православном обозрении» была опубликована статья Соловьева «Догматическое развитие церкви в связи с вопросом о соединении церквей» (С. 727–798). Возможно, над ней и планировал работать Соловьев в Пустынке.

⁷ На Плющихе осенью 1881 г. Фет приобрел дом, в котором проводил зимние месяцы. На Пречистенке в доходном доме Лихутина, жили мать и сестры Соловьева — Надежда и Поликсена, здесь же он останавливался, приезжая в Москву. Сам Соловьев писал в письме к сестре, Н. С. Соловьевой: «Из всех мест на земном шаре я, конечно, предпочитаю два: Пустыньку (когда не слишком холодно) и дом Лихутина (когда не слишком музыкально), но, увы, окончательно фиксироваться не могу ни там, ни здесь, ибо je suis né sous astre des voyages (я рожден под звездой странствий — *франц.*) или, говоря высоким библейским слогом, должен ходить перед Господом, что, конечно, лучше, чем ходить перед людьми на задних лапах. Малая способность к делу последнему не позволяет мне в наши дни (довольно подлые времена) найти себе постоянную житейскую раму» (*РГАЛИ*. Ф. 446. Оп. 1. № 55. Л. 13).

Соловьев — Фету

10 (22) июля 1886 г. Загреб.

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Из бесписьменности моей не заключайте, что я о Вас не думаю. Напротив, часто и часто о Вас вспоминаю. А вот, наконец, подвигся и написать. Я доселе не приспособился к двум календарным стилям¹ и живу как бы вне времени или в фальшивом времени, ибо руковожусь «Московскими ведомостями»,² которые получаются здесь почти через неделю, на каковой срок и я отстаю от действительности в своих хронологических представлениях. Однако я вычислил с достоверностью, что сегодня 22 июля старого стиля и, следовательно, именины Марьи Петровны, которой и приношу свое сердечное, хотя и имеющее опоздать поздравление, в надежде, что соединенные усилия австрийской и русской почты пощадят это невинное послание. Заказным не пишу, зная, что это доставит Вам лишние хлопоты.

О себе сообщу кратко, что я здоров, работаю, печатаю книгу³ и живу у загребского каноника⁴ самым каноническим образом. Встаю в 8 часов, хожу каждый день к обедне в прекрасный готический собор XI века,⁵ знакомство вожу только с ученым и духовным сословием. Чувствую себя не совсем за границей, ибо говорю большей частью по-русски, да и народ здесь (простой) совсем наши хохлы, только еще гораздо религиозней (чего, к сожалению, нельзя сказать о православных славянах). Церкви здесь и в будни полны народом, а в воскресенье не протолкаешься. Вместе с тем здесь есть Академия наук и университет, картинная галерея и музей древностей⁶ — все это основано главным образом епископом Шросмайером⁷ и каноником Рачким. У этого последнего я теперь живу, а к первому еду через две недели. Хотя, как видите, я дешним пребыванием доволен, но все-таки вздыхаю по далеким друзьям, и очень бы хотелось попасть в Воробьевку, но к большому моему прискорбию это невозможно. Я попал за границу только в июне (потому что старый и преданный наш слуга обокрал меня дочиста накануне на значенного отъезда),⁸ и хотя печатание книги наладилось, но придется еще возиться с переводом, который здесь хотят делать на немецкий или франц<узский> яз<ык>, так что в Россию попаду не раньше сентября. Итак, до свидания в Москве. А если захотите обрадовать меня письмом (вернее заказным), то вот мой адрес: Autriche-Hongrie, Agram, à M. le

Président de l'Académie des sciences, Dr. F. Rački (Kaptol, 13). Pour le Dr. Vlad. Solowjev.

Будьте здоровы, дорогой Афанасий Афанасьевич, и не забывайте душевно преданного Вам Влад<имира> Сол<овьева>.

На конверте: Ст. Кор. Пустынь (Будановка).
Шеншин.
Воробьевка.

Почтовый штампель: 27 июля 1886, Курск.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 149–150.

Датируется по упоминанию дня именин М. П. Шеншиной. См. примеч. 7 к п. 17.

¹ Россия в отличие от европейских государств, которые с 1582 г. перешли на Григорианский календарь, продолжала жить по Юлианскому календарю.

² Речь идет о книге Соловьева «История и будущность теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни». См. также примеч. 3 к п. 15, примеч. 6 к п. 19. Первоначально Соловьев хотел издавать свою книгу в России и сообщал в недатированном письме 1884 г. А. А. Кирееву: «Я надеюсь, что Вы окажете мне дружеское содействие к изданию книги здесь в России, ибо обращаться за границу мне *очень не хотелось бы*. Во всяком случае, я бы очень просил Вас недели через три, расспросив, кого следует, сообщить мне, могу ли я без большого риска приступить к печатанию книги. Ибо устраивать фейерверки мне не по карману» (Соловьев. Письма. Т. 2. С. 116–117). Духовная цензура книгу к печати не допустила. Тогда Соловьев принял решение о печатании книги за границей. Подробную предысторию появления книги см.: *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 156–160.

³ *Франц Рачки* (Rački; 1828–1894) — славянский ученый и хорватский общественный деятель, горячий панславист, каноник хорватского капитула блаженного Иеронима, президент Загребской Академии наук с 1866 по 1886 гг. В журнале «Vienas» за разные годы печатались статьи Рачки о русских писателях: Ф. М. Достоевском, Г. П. Данилевском, И. С. Аксакове. Письма Соловьева к Рачкому см.: *Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 164–179.

⁴ Имеется в виду Загребский собор Вознесения Девы Марии и святых Степана и Владислава.

⁵ Речь идет о Загребском университете, где с 1874 г. было три факультета: теологический, философский и юридический, а также о художественной Галерее старых мастеров (галереи Штросмайера).

⁶ *Йосип Штросмайер* (Strossmaier; 1815–1905) — хорватский католический епископ. Об отношениях Соловьева и Штросмайера см.: *Погодин А.* Владимир Соловьев и епископ Штросмайер // Русская мысль. Прага; Берлин, 1923–1924. Кн. IX–XII. Письма Соловьева к Штросмайеру см.: *Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 180–193.

⁷ Перед самым отъездом в Загреб слуга Алексей, много лет живший в доме Соловьевых, украл у него приготовленные для путешествия пятьсот рублей. Об этом Соловьев сообщал в письме к матери: «Вера (В. С. Соловьева, в замуж Попова, сестра Соловьева. — Г. П.), конечно, уже сообщила Вам о печальном исчезновении из моего бумажника 500 р., которые или унесены духами, или украдены домашним человеком — третьего быть не может. Не хочу писать Вам подробностей. Это скучно и бесполезно. Но я еще не совсем оставил надежду, что похитивший раскается и возвратит» (Соловьев. Письма. Т. 2. С. 42). Об этой истории и отношении к ней Соловьева см.: Безобразова М. С. Воспоминания о брате Владимире Соловьеве // Минушие годы. 1908. №5/6. С. 145–147.

21

Соловьев — А. А. и М. П. Шеншиным

9 апреля 1887 г. Москва

Христос Воскресе, дорогая Мария Петровна. Здравствуйте, дорогой Афанасий Афанасьевич!

Я на отъезде, и не позже воскресенья буду у Вас.¹ Задержало до сих пор окончательное устройство кой-каких дел.

Лекцией своею я столько же доволен, сколько недовольна ею славянофильствующая московская публика.² На ши и кашу бедным студентам (простите, Афанасий Афанасьевич) я собрал около двух тысяч р<ублей> и сказал то, что хотел сказать.

Получил перед праздниками чрезвычайно обиженное письмо от Страхова по поводу его спиритизма.³ Отлагаю обстоятельный ответ до Воробьевки.

Был без Вас два раза на Покровке.⁴ До скорого свидания.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

На конверте: Ее Высокородию М. П. Шеншиной
(с. Воробьевка).

Почтовый штемпель: 9 апр. 1887, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 151.

Датируется по почтовому штемпелю отправления.

¹ Речь идет о планируемой Соловьевым поездке в Воробьевку. В 1887 г. он провёл в имении Фета 5 месяцев: с 16 апреля до 22 сентября. Здесь Соловьев занимался вместе с Фетом переводом «Энеиды» Вергилия.

² В марте 1887 г. Соловьеву было разрешено прочесть две публичные лекции в пользу студентов. Об этом он писал о. Мартынову 14 апреля 1887 г.: «Две недели тому назад я прочел публичную лекцию на тему: „Славянофильство и русская идея“. Главная моя мысль была та, что русская идея требует соединения церквей, т. е. признания нами Вселенского Первосвященника, чтобы перестать быть *пустой претензией*» (Соловьев. Письма. Т. 3. С. 23).

³ Речь идет о книге Н. Н. Страхова «О вечных истинах (Мой спор о спиритизме)» (СПб.: тип. бр. Пантелеевых, 1887). 9 марта 1887 г. Соловьев написал Страхову письмо с шутливой критикой его книги о спиритизме, где утверждал, что полемика с Бутлеровым против спиритических чудес «имеет силу (если имеет) также и против всяких чудес и против самого существования невидимых духовных деятелей, — т. е. против всякой религии: ибо хотя, говорят, есть религия без Бога (буддизм), но религии без ангелов и чертей не бывало и быть не может» (Соловьев. Письма. Т. 1. С. 31). Почти одновременно Фет писал Страхову 7–8 марта 1887 г. о том, что Соловьев и Н. Я. Грот «вскипели негодованием» от его книги: «Соловьев прямо говорит, что это лживая, лукавая книга, прикрывающаяся девизом — *philosophari — Deum amare* (заниматься философией — любить Бога — *лат.*) — и проповедующая чистейший материализм» (Фет/Страхов. С. 432). Видимо это и вызвало обиду Страхова, о которой пишет Соловьев. Не дожидаясь отъезда в Воробьевку и встречи со Страховым, 12 апреля 1887 г. Соловьев написал ему: «Я не только верю во все сверхъестественное, но, собственно говоря, только в это и верю» (Соловьев. Письма. Т. 1. С. 33). Страхов очень болезненно отреагировал на критику Соловьева, в чем признавался в письме к Фету от 18–20 апреля 1887 г., отчасти пересказывая содержание своего письма к Соловьеву: «Когда я кончил свои „Вечные истины“ и сдал их в магазин, я испытывал очень благодушное настроение. Беспреданно мне приходила мысль о *возвышении к Богу*, и я раздумывал о том, какие есть для этого пути и как их себе уяснить и определить. Но, верно, было в моей душе что-нибудь дурное, и вот послано мне было искушение. Два приятеля прислали мне отзывы о моей книге, от которых я стал жестоко волноваться. Я знал заранее, что книга моя ни тому, ни другому вполне не понравится; один будет недоволен, что я слишком часто говорю о Боге, а другой, что слишком усердно держусь за физику. Для обоих в моей книге должно представляться некоторое внутреннее противоречие. И вот я думал: что они на это скажут? Верно, они никак не согласятся со мною, что в действительности тут нет никакого противоречия. / Но того, что случилось, я никак не ожидал. Оба приятеля решили просто: все, что я говорю о духе и Боге, все это лукавство, притворство, ничего этого я сам не думаю. Один готов меня за это хвалить, а другой протестует против употребления имени Божия всуе и кричит: караул! / Я написал Владимиру Сергеевичу горячие уверения в своей искренности; но он и слышать не хочет. Он пишет, будто я сам признаюсь (не признаю, а признаюсь), что „употребляю без оговорок обычные религиозные выражения для мыслей иного рода“. Подлинное его слова. Я ему писал, что все мои слова я употребляю в точном смысле, что если не могу употребить религиозных выражений в их точном смысле, то я молчу, никаких слов не употребляю. А он говорит, что я говорю одно, а у меня мысли *иного*

рода! И хоть бы он привел единое слово, единую фразу, где бы видно было, что слово есть маска для мысли! Нет, меня обвиняют голословно. / И вот, я принялся обижаться. Как! Они не хотят признать меня добросовестным, правдивым, искренним писателем? Почему они так обо мне думают? Эти самолюбивые мысли так разыгрались, что я забыл все знаки расположения, которыми осыпают меня приятели, и стал думать, что они, верно, ничуть меня не любят. Вот в какой грех я впал! / Конечно, дорогой Афанасий Афанасьевич, я должен бы подумать, что вся вина ни в чем ином, как в моей книге. Если кто находит разлад между ее выражениями и ее мыслями, если кому не ясна связь между ее положениями, то значит книга дурно написана, неубедительна, не затягивает туда, куда хочет затянуть. / Ну, будет об этом. Из долгого опыта я знаю, что спор в письмах есть дело почти невозможное. Уж нужно будет приехать самому в Воробьевку, если задаться мыслью спорить о „Вечных истинах“. Без сомнения, я и не миную Вашего сада, хотя заеду не за спором» (*Фет/Страхов*. С. 432–434). Отзыв о критике Страховым спиритизма содержится и в обширной статье Соловьева «Россия и Европа», опубликованной в журнале «Вестник Европы» в 1888 г. (№ 2. С. 742–761; № 4. С. 725–767), где автор отмечает: «..., вечные истины“ г. Страхова суть не что иное, как основные положения физико-математических наук в том безусловном и безопределенном значении, какое они получают от так называемого *механического мировоззрения*. <...> Однако научная мысль Запада далеко не исчерпывается этим мировоззрением <...> почтенный автор „Борьбы с Западом“ <...> является не только *западником*, но еще *западником крайним и односторонним*» (*ВЕ*. 1888. № 4. С. 762–763). Позднее эта работа Соловьева вошла в его книгу «Национальный вопрос в России» (СПб., 1888).

⁴ *Покровка* — улица старой Москвы. Возможно, в данном случае речь идет о посещении Соловьевым знаменитого дома-усадьбы Боткиных, точнее Д. П. Боткина, брата супруги Фета М. П. Шеншиной, страстного коллекционера, организовавшего в своем доме известную «боткинскую галерею».

22

Соловьев — Фету

26 октября 1887 г. (?) Москва

Хотя я забыл, дорогой Афанасий Афанасьевич, что завтра рождение моего крестника Сережи, но может быть брат Миша¹ уволит меня от обеденного празднования сего события.

Заеду к Вам сегодня вечером, и если не застану, то сообщу прислуге, буду ли завтра или нет.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Датируется по упоминанию в письме даты рождения Сергея Михайловича Соловьева, племянника Соловьева, — 27 октября 1885 г.

¹ Имеется в виду М. С. Соловьев (1862–1903), младший брат Вл. Соловьева.

23

Соловьев — Фету

15 (27) июля 1888 г. Париж

3 Rue S+Rock, 3
(Hôtel de la Couronne)
Paris

15/27 июля 88.

Дорогой и многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Надеюсь, что этот листок своевременно дойдет до Воробьевки и принесет Марье Петровне мое сердечное поздравление с днем ангела.¹

Я жив и здоров и устраиваю понемногу свои дела в Париже.² К несчастью, придется, пожалуй, все лето провести за границей.

Из России мне пишут про разные вздорные сплетни в газетах на мой счет.³ Если дошло и до Вас, то, конечно, Вы приняли, как должно. Боюсь, однако, что хоть *брань* на восток не виснет, но про вранье этого сказать нельзя, и как бы не вышло какого-нибудь затруднения с возвращением моим из-за границы. Надеюсь, впрочем, что все устроится к лучшему.

Вообще из России имею известий не много, на что, конечно, жаловаться не имею права: и остави нам долги наши яко же и мы оставляем должником нашим.⁴

Совершенно не знаю, каким путем вернусь в Россию, но едва ли увидимся раньше октября в Москве.

Будьте здоровы и не поминайте лихом.

Целую ручки Марье Петровне и кланяюсь Екатерине Владимировне⁵ и всем общим друзьям, если кого увидите.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 151–152.

¹ См. примеч. 7 к п. 17.

² В 1887 г. «религиозной системой» Соловьева заинтересовался французский публицист и историк А. Леруа-Болье, автор трехтомного исследования о современном государственном и общественном строе России: «L'Empire des Tsars et les Russes» (Paris, 1881–1889). Об этом епископ Штросмайер написал о. П. Пирлингу, который, в свою очередь, сообщил Соловьеву. Соловьев переписывался с о. Пирлингом о возможности издания за границей его книги в 1887–1888 гг. (см.: *Соловьев. Письма*. Т. 3. С. 138–166). В январе 1888 г. Соловьев сообщил ему, что для напечатания французской книги, а также второго тома «Теократии» собирается приехать в Париж (Там же. С. 162), а в письме от 7–19 апреля 1888 г. оговаривал с о. Пирлингом детали своей поездки: «Я уже запасаюсь паспортом и ввиду грозящего дальнейшего падения курса — французскими банковскими билетами. Через неделю думаю выехать и, захав дня на два в Карлсруэ, — явиться к Вам. Если бы Вы написали мне в Карлсруэ *poste restante* адрес той парижской гостиницы, которую Вы мне рекомендуете, то я был бы Вам очень благодарен. Мне нужна гостиница дешевую и главное *тихую*. Но вот еще затруднение: я *давнишний* (хотя и не педантичный) *вегетарианец*, и потому пансион с обязательным табль д'отом для меня не годится. Но надеюсь, что можно будет как-нибудь устроить» (Там же. С. 166). В апреле 1888 г. Соловьев покидает Россию и через Баден-Баден направляется в Париж, где по предположению К. В. Мочульского, на деньги кн. Е. Волконской планирует издать свои работы. Во Франции Соловьев жил в католической среде, познакомился с французскими религиозными деятелями, с сотрудниками журнала «L'Univers» (см.: *Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 183–184, 205–206), где напечатал статью «Saint Vladimir et l'Etat chrétien», работал над книгой «Россия и вселенская Церковь», предисловие к этой книге издал отдельной брошюрой под заглавием «L'Idée russe». В конце 1888 г. в Париже была издана книга Соловьева «La Russie et l'Eglise universelle» («Россия и вселенская церковь»). В Россию Соловьев вернулся только в январе 1889 г.

³ «Травля» Соловьева началась еще в конце 1886 г. по возвращении его из второго заграничного путешествия. В декабре 1886 г. он писал Ф. Рачкому: «...против меня начался здесь настоящий штурм, причем цензура, запрещающая все мною написанное, предоставляет моим противникам полный простор выдумывать на меня всякие небывлицы» (*Соловьев. Письма*. Т. 1. С. 172). В № 49 за 1886 г. в «Церковном вестнике» было опубликовано открытое письмо Соловьева, в котором он опровергал «систематическую клевету, очевидно рассчитанную на причинение мне практических затруднений» (Там же. Т. 3. С. 192–194). Подробнее об этом периоде жизни Соловьева см.: *Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 163–164. В 1887–1888 гг. травля Соловьева продолжилась. См., например: *Абрамов Я.* Вл. Соловьев и Россия // Неделя. 1888. 17 апреля. № 16. С. 513–517; *Скабичевский А. Г.* 1) Вл. Соловьев, произносящий роковой приговор над всеми нами и в том числе над самим собою в статье своей «Россия и Европа» («Вестник Евр<опы>» № 2) // Новости и биржевая газета. 1888. 11 февраля. № 42. С. 2; 2) Нечто по поводу второй статьи г. Вл. Соловьева // Там же. 14 апреля. № 104. С. 2; *Шостын А.* 1) Авторитеты и факты в вопросе о развитии церковных догматов // Вера и разум. 1888. № 6. Кн. 1. Отдел церковный. С. 32–67; 2) Москва, 13 февраля [Передовая статья] // Русское дело. 1888. 13 февраля. № 7. С. 5–6 и др.

⁴ Цитата из молитвы Господней («Отче наш») (Мф. 6, 9–3; Лк. 11, 2–4).

⁵ Федорова Екатерина Владимировна (в замуж. Кудрявцева) — секретарь Фета в 1886–1892 гг.

24

Соловьев — Фету

25 августа (6 сентября) 1888 г. Вирофле

25 авг./6 сент. 88. Viroflay.

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Истинно был обрадован вестью от Вас. И хотя Вы недовольны жизнью, но я доволен, что Вы живете, если не лучше, то и не хуже прежнего. Очень часто вспоминал и вспоминаю про Вас с Марьей Петровной, как в парижской суете, так и в теперешнем уединении. С конца здешнего, т. е. с половины русского августа я живу в местечке Viroflay, близ Версаля,¹ на даче Vonperos, принадлежащей моему приятелю Леруа-Больё,² который уехал с своим семейством в деревню к теще и предоставил в мое распоряжение павильон с садом. Этот сад, весьма красивый, и смежность большого леса Сен-Клу³ делают мое пребывание раем земным — до сотворения Евы,⁴ так как я нахожусь в полном одиночестве. Впрочем, о рае можно здесь говорить только сравнительно с парижской гостиницей, наполненной шумливыми и бесцеремонными американцами. А для настоящего рая в моем Vonperos помимо Евы недостает многого, например, рек: Фишона, Гихона, Хиддэкэля и Фрата.⁴ Не шутя, без воды природа теряет половину своей прелести. Но особенно недостает мне сравнительно с прошлым летом милого Воробьевского общества. Полное одиночество прекрасная вещь, и я им наслаждаюсь после парижской суеты, — но только ненадолго, и, наверное, я не мог бы прожить так с удовольствием полгода, как прожил в Воробьевке.⁵

Дела мои в Париже я, насколько мог, устроил.

Книга готова к печати и выйдет, надеюсь, до начала зимы. О брошюре моей «Idée Russe» было в разных французских и бельгийских журналах и revues⁶ (большей частью религиозных) много хвалебных статей.⁶ Хвалят между прочим за чистоту французского языка, в котором я за последнее время действительно усовершенствовался.

¹ Так в подлиннике.

⁶ журналах (франц.).

Здесь в Viroflay проживу я до 22, т. е. по русскому до 10 сентября, и если это мое письмо дойдет до Вас своевременно, а Вы с обычной Вам аккуратной любезностью захотите тотчас ответить мне, то можете адресовать сюда: *Viroflay, (Seine et Oise), à Bonrepos (cher M. Leroy-Beaulieu)*. Отсюда, остановившись на три или четыре дня в Париже, еду через Лион, Лозанну, Вену, Загреб и Краков — в Москву. Полученные мною недавно из России известия заставляют меня предполагать, что в Москве меня оставят ненадолго,⁷ а препроводят *гораздо дальше*, так что едва ли Вы будете видеть меня этот год у себя по средам и воскресеньям. Чем менее разумны такие опасения, тем более они правдоподобны. Как справедливо во всех языках отличается мудрость от разума. Настоящая мудрость состоит в том, чтобы, признавая права разума в теории, как можно менее доверять ему на практике. А из этого противоречия следует, что *безусловное* значение принадлежит не умственной, а нравственной области, в которой никакого противоречия нет; ибо правила: *не любодействуй*, или: *не воруй сверх должного* — одинаково хороши и в теории, и на практике.

Кстати по поводу мудрости: кто-то написал мне из Петербурга, что Н. Н. Страхов изъявлял против меня большое негодование и раздражение, но, тем не менее, справлялся о моем адресе.⁸ Напишите, пожалуйста, ему, что его негодование меня удивляет и что я со своей стороны продолжаю неизменно питать к нему одни добрые чувства и считать его мудрейшим из всех творений земных.

А что подельывает его идол?⁹

Чрез француза Вогюэ¹⁰ слышал я, что он пишет роман *о вреде любви*.¹¹ Очевидно, это навеяно браком по любви его сына Илюши.¹² Как жаль, что я не имею литературного таланта. Недавно меня обсчитала содержательница отеля. Вот бы прекрасный случай написать поэму *о вреде гостиниц*. Будем, однако, надеяться, что впечатление от брака Илюши скоро сменится каким-нибудь другим неудовольствием и т. д. и что эти субъективно-утилитарные романы буду пожирать друг друга до появления на свет.

Однако, как я заболтался по старой Воробьевской привычке!

Будьте здоровы, мой истинный анти-утилитарный поэт!

Мой сердечный поклон многоуважаемой Марье Петровне.

Приветствую Екатерину Владимировну и всю Воробьевку.

Душевно преданный Вам Владимир Соловьев.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 152–154.

¹ *Вирофле* расположен на территории одноименного кантона, округа Версаль департамента Ивелин в регионе Иль-де-Франс и в 14 км от центра Парижа, восточнее Версаля. Вирофле с севера и с юга окружают лесные массивы. *Версаль* — знаменитый французский дворцово-парковый ансамбль, резиденция французских королей.

² О Леруа-Болье см. примеч. 2 к п. 23.

³ *Сен-Клу* (Saint-Cloud) — город-замок во Франции, на берегу Сены, в 3 км от Парижа. В 1870 г. замок был разрушен и остались великолепные лесо-парковые комплексы.

⁴ Реки, протекающие в Эдеме. Согласно книге Бытия, «из Едема выходила река для орошения рая; и потом разделялась на четыре реки. Имя одной Фисон (Пишон. — *Г. П.*): она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото; и золото той земли хорошее; там бдолах и камень оникс. Имя второй реки Гихон: она обтекает всю землю Куш. Имя третьей реки Хиддекель: она протекает пред Ассирию. Четвертая река Евфрат» (Быт. 2, 10–14).

⁵ Видимо, Соловьев вспоминает свое пребывание в Воробьевке в апреле — сентябре 1887 г. См. примеч. 1 к п. 21.

⁶ Речь идет о брошюре Соловьева «*L'Idée russe*» (Paris, 1888; в русском переводе Г. А. Рачинского вышла в Москве в 1911 г.). Об этой работе Соловьева см.: *Мочульский К. Гоголь. Соловьев. Достоевский*. С. 165–166.

⁷ Возможно, подобные мысли были вызваны «травлей» Соловьева, которая развернулась в России. Об этом см. п. 23, примеч. 3.

⁸ Речь идет о продолжении полемики между Соловьевым и Н. Н. Страховым, которая началась еще в 1887 г. Об этом см. п. 21, примеч. 3.

⁹ Имеется в виду Л. Н. Толстой. В середине 1880-х гг. Соловьев разошелся с Толстым по вопросам религиозно-нравственного порядка и выступил его оппонентом. См.: *Потехин С.* Критика толстовства Владимиром Соловьевым // Миссионерское обозрение. 1901. № 1. С. 34–43; № 2. С. 162–176. В свою очередь, Н. Н. Страхов сохранил с Толстым самые теплые и глубокие отношения. В отличие от Фета и Соловьева он высоко оценил работу Толстого по истолкованию религиозно-нравственных основ жизни.

¹⁰ *Мельхиор Эжен де Вогюэ* (Vogüé; 1848–1910), маркиз — французский дипломат, писатель-путешественник, литературный критик и историк литературы. Был секретарем французского посольства около семи лет, основное его произведение «*Le Roman russe*» («Русский роман», 1886), в котором высоко оценивается русская литература, в частности творчество И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого.

¹¹ Вероятно, речь идет о работе Л. Н. Толстого над повестью «Крейцера соната», которая завершится только в 1889 г. 21 июня 1889 г. Н. Н. Страхов сообщал Фету из Ясной Поляны: «Теперь он (Толстой. — *Г. П.*) весь в писании, именно отделяет свою „Сонатку“, от которой я жду больших художественных чудес» (*Фет/Страхов*. С. 481).

¹² Сын Л. Н. Толстого *Илья* (1866–1933) в 1888 г. женился на Софье Николаевне Философовой (1867–1934).

25

СОЛОВЬЕВ — ФЕТУ

27 января 1889 г. Петербург

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

Приветствуют Вас звезд золотые ресницы и месяц, плывущий по лазурной пустыне, и плачущие степные травы, и розы весенние и осенние; приветствует Вас густолистый развесистый лес, и блеском вечерним обвеянные горы, и милое окно над снежным каштаном. Приветствуют Вас голубые и черные ангелы, глядящие из-за шелковых ресниц, и грот Сивиллы с своею черною дверью. Приветствует Вас лев св. Марка, и жар-птица, сидящая на суку, извилистом и чудном. Приветствуют Вас все крылатые звуки и лучезарные образы между небом и землею. Кланяется Вам также и меньшая братия: слепой жук, и вечерние мошки, и кричащий коростель, и молчаливая жаба, вышедшая на дорогу. А, наконец, приветствую Вас и я, в виде того серого камня, которого Вы помянули добрым словом. Плачет серый камень, в пруд роняя слезы. И хоть не над прудом, а над целым океаном человеческой бессмыслицы приходится плакать, но есть и утешение, пока над этим мутным потоком недвижимо стоит светлая радуга чистой поэзии и заранее празднует будущий мир неба с землею.

Бесценный мой отрезок настоящей неподдельной радуги, обнимаю Вас мысленно в надежде на скорое свидание.¹

Душевно преданный и неизменно Вас любящий
Владимир Соловьев.

27 янв<аря> 89.

Петербург В. О. 7 л. д. 2 кв. В. П. Безобразова.²

На конверте: Заказное.
  Москва.
  Плющиха, дом Шеншиной.

Почтовые штемпели: 1) 27 янв. 1889, Петербург; 2) 28 янв. 1889, Москва.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 154–155.

¹ В январе 1889 г. Соловьев вернулся в Россию. Настоящее письмо представляет собой поздравление Соловьева к юбилею Фета, который праздновался 29 января 1889 г. в Москве. Все письмо построено на обыгрывании поэтической образности Фета, его лирики из «Вечерних огней»: стихотворений «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1864?), «Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне...» (1863), «Осенняя роза» («Осыпал лес свои вершины...») (1885), «Влажное ложе покинувши, Феб златокудрый направил» (1847), «Италия, ты сердцу солгала!..» (1856–1858?), «Фантазия» («Мы одни; из сада в стекла окон...») (1847), «Жду я, тревогой объят...» (1886), «Как мошки зарею...» (1844), «Степь вечером» («Клубятся тучи, млея в блеске алом...») (1854), «В дымке-невидимке...» (1873) и др.

² *Безобразов Владимир Павлович* (1828–1889) — академик, отец мужа сестры Соловьева, Марии Сергеевны Безобразовой (1863–1919), историка Павла Владимировича Безобразова (1859–1918).

26

Соловьев — Фету

Около 20 июля 1889 г. Москва

Дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич, искренно сожалею, что по причинам, которые объясняю в письме Марье Петровне,¹ не придется мне это лето быть в Воробьевке. Впрочем, недалеко уж и до осени, и скоро надеюсь обнять Вас в Москве.

Что-то Вы поддельваете? Не забывайте, что осенью мы с Вами должны собрать новый выпуск «Вечерних огней».²

Что касается до меня, то, несмотря на нездоровье, я работаю в одиночестве усерднее обыкновенного. С тех пор как мы виделись, вышел здесь мой перевод Канта,³ который вручу при свидании, а в Париже французская книга, которой, как слышу, появилось уже и второе издание.⁴ Но я не получал еще ни одного экземпляра и никаких известий, кроме того что мои приятели иезуиты⁵ сильно меня ругают за вольнодумство, мечтательность и мистицизм. Вот и угоди на людей! Я, впрочем, не только об угождении, но даже и об убеждении людей давно оставил попечение. Довольно с меня свидетельствовать, как умею, об истине, в которую верю, и о лжи, которую вижу. А там, что Бог даст.

В настоящее время я, так сказать, еду на тройке: в корню у меня семилетний труд, который только что теперь окончил вчерне и начал набело,⁶ а на пристяжке, с одной стороны, разрушение славянофильства для осенних №№ «Вестника Европы»,⁷ а с другой стороны, рассуждение «О Красоте» для первого № гродовского журнала.⁸ Определяю кра-

соту с отрицательного конца как *чистую бесполезность*, а с положительного — как *духовную телесность*. Сие последнее будет ясно только из самой статьи, которая, надеюсь, заслужит Ваше одобрение. Будьте здоровы, дорогой мой Афанасий Афанасьевич, и не поминайте лихом неизменно Вас любящего Влад<имира> С<оловьева>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 155–156.

Датируется по содержанию: письмо было послано ко дню именин М. П. Шеншиной, см. примеч. 7 к п. 17.

¹ Одновременно с письмом к Фету Соловьев писал М. П. Шеншиной: «Дорогая и глубокоуважаемая Марья Петровна, сердечно поздравляю Вас с днем Ваших именин и очень сожалею, что должен сделать это по почте, а не лично. Но благоразумие удерживает меня в Москве и ее окрестностях, во-первых, потому что я уже третий месяц не здоров, так что, будучи в Петербурге, ездил даже к Сергею Петровичу (Боткину. — Г. П.), который нашел у меня болезненное состояние симпатических нервов и предписал спокойную жизнь, а также и благодетельные пилюли из ляписа, белладонны и еще чего-то, которые весьма мне помогли, но все-таки я еще не совсем пришел в нормальное состояние. А во-вторых, в августе месяце мне может предстоять крайняя необходимость по одному очень важному для меня обстоятельству съездить еще в Петербург, а это сделать удобнее из Москвы, нежели из Воробьевки. Вот я и сижу в родительской квартире вдвоем со старухой кухаркой и лишь время от времени навещаю родных и знакомых, обитающих в пределах Московской губернии. Будьте здоровы, глубокоуважаемая Марья Петровна. Клянюсь Екатерине Владимировне (Федоровой. — Г. П.). Афанасию Афанасьевичу прилагаю особый лист» (Соловьев. Письма. Т. 3. С. 120).

² Речь идет о планах создания четвертого выпуска «Вечерних огней»; предшествующий выпуск был издан в 1888 г. Четвертый выпуск вышел в свет в конце 1890 г.

³ Речь идет об издании: «Пролегомены — ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в смысле науки. Перевод Владимира Соловьева, действительного члена Психологического общества» (М.: тип. А. Гатцука, 1889).

⁴ Известно только одно прижизненное издание книги Соловьева «La Russie et l'Église universelle» (Paris, 1889, в русском переводе Г. А. Рачинского — М., 1911). См. также п. 2 к п. 23.

⁵ Подготовив к печати книгу «Россия и вселенская Церковь» (см. примеч. 2 к п. 23) и сдав ее издателю Альберту Савин в Париже, Соловьев отправился в Загреб, рождественские праздники он провел у еп. Штросмайера, откуда писал М. С. Соловьеву: «...был я эти дни в Дьякове <...> у Штросмайера. Встречал с ними ихний Божич. Все дьяковские ребята, разделившись на несколько компаний, приходили представлять „Бэтлэм“ и пели очень милые и наивные хорватские песни. Сам Штросмайер нездоров, огорчен и постарел. Со мной был, как всегда, непомерно любезен. Посылал папе „L'Idée russe“. Папа сказал: „Bella idea, ma fuor d'un miracolo ecosa impossibile“ («Прекрасная идея, но это вещь невозможная, если только не

случится чудо» — *итал.*). Я очень рад, что съездил к Штросмайеру, — пожалуй, больше не придется свидеться» (Соловьев. Письма. Т. 4. С. 118–119). По утверждению К. В. Мочульского, слова папы стали смертным приговором идее Соловьева (*Мочульский К.* Гоголь. Соловьев. Достоевский. С. 168).

⁶ Речь идет о работе Соловьева над книгой «История и будущность теократии. Исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни. Т. 1» (Загреб, 1887).

⁷ «*Вестник Европы*» — российский литературно-политический ежемесячный журнал, выпускавшийся с 1866 по 1918 г. в Петербурге; с 1866 г. редактором-издателем его был М. М. Стасюлевич. По возвращении в Россию Соловьев окончательно порывает со славянофильством и становится постоянным сотрудником «Вестника Европы», где были опубликованы его «Очерки из истории русского самосознания» (*ВЕ.* 1889. № 5, 6, 11, 12), вызвавшие в адрес журнала «первое предупреждение» министра внутренних дел (подробнее см.: *Фет/Страхов.* С. 495, примеч. 7 к п. 190).

⁸ «*Вопросы философии и психологии*» — журнал, издававшийся в Москве с ноября 1889 до 1918 г. при Московском Психологическом обществе, первым редактором журнала был Н. Я. Грот. В № 1 журнала за 1889 г. была опубликована статья Соловьева «Красота в природе» (С. 1–50).

27

Фет — Соловьеву

26 июля 1889 г. Воробьевка

Московско-Курской ж. д.
ст. Коренная Пустынь

26 июля 1889 г.

Милейший наш и дорогой Владимир Сергеевич.

Так как по случаю именин лошадей приходилось посылать, рассчитывая на гостей, а не на письма, то выпущенная Вами чистая и прелестная голубица, в виде письма, задерживаемая уходом в два часа дня почтмейстера Коренной станции, по причине ее заказа, только вчера принесла нам свою миртовую ветку.¹

Так как Мария Петровна действительно тронута Вашим добрым приветом и с достаточной поспешностью не находит слов благодарить Вас, то я, чувствуя и себя в этом отношении не богаче ее, только надеюсь на Вашу замечательную чуткость и уверен, что Вы прочтете эти слова между строками.

Я запрашивал о Вас у Михаила Сергеевича,² но ответа не получил и душевно радуюсь, что, по крайней мере, знаю теперь, где Вы.

Марциал рассказывает про кривого пьяницу, которому доктор запрещает пить, щадя последний большой глаз.³ Но этот пьяница требует вина и пьет, чтобы проститься с глазом. Не таково ли с Вашей стороны отдохновение, предоставляемое симпатическим нервам? Конечно, Вы принадлежите к тем редким исключениям, которые ничего незначительного написать не могут. Как я рад, что вы перевели Канта.⁴ Это была Ваша священная обязанность, и я первый покупатель Вашего несомненно превосходного перевода. Хотя значение *духовной телесности* должно раскрыться в конце статьи, но и в том смысле, в каком я понимаю это счастливое выражение, оно мне чрезвычайно нравится. Я понимаю слово духовный в смысле не умопостигаемого, а насущного опытного характера, и, конечно, видимым его выражением, телесностью будет красота, меняющая лик свой с переменной характера. Красавец пьяный Силен⁵ не похож на Дориду⁶ у Геркулеса.⁷ Отнимите это тело у духовности, и Вы ее ничем не очертите.

Об упреках со стороны иезуитов в мистицизме судить не могу, так как этого не понимаю со стороны христианина, как не понимаю жреца Озириса,⁸ обвиняющего в мистицизме служителя Цереры или Цибелы.⁹ Конечно, будучи русским с головы до ног, я тем не менее радуюсь смертельному удару славянофильству. Как будто бы нельзя быть русским, не нарядившись пляшущей козой.

Не знаю, прочли ли Вы прекрасную брошюру К. Н. Леонтьева «Народная политика как орудие революции».¹⁰ Чрезвычайно тонко и умно.

Зная Ваше отвращение к письмам, прошу Вас продолжать коснеть в граммафобии, что в случае крайности не удержит меня от письма к Вам.

Работаю над Марциалом и над своими записками¹¹ понемногу, и будем ждать все, в том числе и Екатерина Владимировна, возможности приветствовать Вас на Плющихе.

Позвольте до личного свидания заочно от души обнять Вас преданному А. Шеншину.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано: *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 324–325.

¹ Фет неоднократно использовал образ голубицы и миртовой ветви, ею принесенной, для характеристики писем своих корреспондентов. Ср., например, со стихотворением «Его Императорскому Высочеству В. К. Константину Константиновичу» («Когда, колеблем треволненьем...»), вошедшим в состав четвертого выпуска «Вечерних огней», а также с письмом к К. Р. от 27 марта 1887 г.: «Десять дней раз-

ливом небольшой речки нашей мы были отрезаны от всего света, и милостивое письмо Ваше, прибывшее в лодке, во всех отношениях может быть сравнено с голубицей, принесшей заключенным в ковчег миртовую ветку» (*Фем/К. Р. С.* 616).

² Упоминаемое письмо Фета к М. С. Соловьеву не обнаружено.

³ Имеется в виду 78 эпиграмма из VI-й книги эпиграмм Марциала «Авлу о кривом Фриксе»:

Фрикс знаменитый питух был, Авл, на один-то
Глаз кривой и с другим воспаленный.
Этому медик Герат: «ты пить берегися;
Если вино будешь пить, ты видеть не будешь».
Фрикс, улыбаясь, сказал глазу: «прощай же».
Тотчас смешать он себе чарок поглубже,
Да почаще велел. Чем кончилось? спросишь.
Фрикс-то точно вино, а глаз его яд пил.

(М. В. Марциала Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М., 1891. Ч. 1. С. 389).

⁴ См. п. 26, примеч. 3.

⁵ *Силен* — в др.-греч. мифологии воспитатель и спутник Диониса; веселый, добродушный, постоянно пьяный лысый старик с мехом вина.

⁶ *Дорида* — океанида, дочь Океана и Тефиды, внучка Урана и Геи, сестра трех тысяч океанид и трех тысяч речных богов, жена Нерея, мать пятидесяти nereид.

⁷ *Геркулес* — др.-рим. имя Геракла.

⁸ *Озирис* (Осирис) — царь загробного мира в др.-егип. мифологии.

⁹ *Церера* — древнейшая италийская и римская хтоническая богиня производительных сил земли, произрастания и созревания злаков, а также подземного мира, насылавшая на людей безумие. *Кибела* (Цибела) — в др.-греч. мифологии богиня, имеющая фригийские корни.

¹⁰ Имеется в виду брошюра Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к о. И. Фуделю» (М., 1889).

¹¹ Фетовский перевод выйдет в свет в апреле 1891 г.: М. В. Марциала Эпиграммы. В переводе и с объяснениями А. Фета. М.: тип. А. И. Мамонтова и К^о, 1891. Ч. 1–2. Речь также идет о работе Фета над книгой «Мои воспоминания», вышедшей в 1890 г. Творческую историю мемуаров Фета см.: *Черемисинова Л. И.* Проза А. А. Фета. Саратов, 2008. С. 283–350.

28

Соловьев — Фету

Январь 1890 г. Москва

Дорогой Афанасий Афанасьевич. Ввиду продолжающейся простуды я отложил до завтра свой отъезд и сижу дома за статьей о лирической поэзии.¹

Если у Вас есть одна книжка Страхова о наших поэтах,² изданная года два так назад, то, пожалуйста, пришлите мне ее завтра часов в 12. Хотя у нас со Страховым совершенно различный образ мыслей, но именно по части поэзии есть общие вкусы, а потом может произойти совпадение и в суждениях, чего я желал бы избежать.

До скорого, надеюсь, свидания.

Душевно Вам преданный Влад<имир> Соловьев.

Постараюсь, если успею, завтра перед отъездом заехать, чтобы проститься с Вами и Марьей Петровной.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Северные цветы на 1901 год. С. 158–159.

Датируется по содержанию: речь идет о поездке Соловьева в Петербург, о чем он также писал А. А. Голенищеву-Кутузову в недатированном письме, которое приводим полностью:

Многоуважаемый граф, я в субботу слег в постель и теперь еще не совсем оправился, но надеюсь в понедельник выехать и быть в вашем Обществе. Посыльный Ваш сказал, что и Вы нездоровы, — неужели все еще с четверга и не поправлялись?

Надеюсь, в понедельник встретимся.

Спасибо за память.

Душевно преданный В. Соловьев.

P. S. Представьте себе, какое я по слабости характерной дал обещание: написать к 15 февраля для «Литературного ежегодника» г. Венгерова статью о русской лирической поэзии от Жуковского до гр. Кутузова включительно.

По моему известному Вам мнению, она тут и кончается.

О Фофанове же я могу писать только стихами:

I

Смертный, изливший свои любовные чувства в болото,
Музе о том возвещать в стихах отнюдь не обязан.

II

В тряской трясине трясти прилично юным поэтам
Жаль, что невинных девиц сия забава пугает.

III

Ах! Про стихи, что печешь ты блинами
Мнение потомков едва ль будет лестно
Скажут они, пожимая плечами:
«Да! Пропищал он, а что — неизвестно».

Все это, как видно, вдохновлено последними болотными стихотворениями Фофанова» (РГАЛИ. Ф. 143. Оп. 1. № 206). В письме Соловьева к Голенищеву-

Кутузову речь идет, вероятно, о Русском литературном обществе (бывшем Литературно-драматическом обществе), действительными членами которого были Голенищев-Кутузов (выполнявший также обязанности товарища Председателя) и Соловьев. См.: Русское литературное общество: Очерк деятельности Общества за 1886–1894 гг. СПб., 1894. См. также примеч. 4 к п. 7.

¹ Статья Соловьева «О лирической поэзии. По поводу последних стихотворений Фета и Полонского» выйдет в свет в декабре 1890 г. в «Русском обозрении» (№ 12. С. 626–654).

² Речь идет о книге: *Страхов Н.* Заметки о Пушкине и других поэтах. СПб., 1888.

29

Соловьев — Фету

16 апреля 1890 г. Москва

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич.

Я буду на Малой Дмитровке¹ не сегодня, а завтра, во вторник. Сегодня день рождение брата Миши,² и большую часть вечера я проведу у него. Как здоровье Марьи Петровны?

Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Датируется по содержанию: день рождения М. С. Соловьева — 16 апреля, на понедельник этот день выпадал в 1890 г.

¹ Возможно, речь идет о посещении Соловьевым редакции журнала «Русская мысль», которая располагалась на Малой Дмитровке, 25.

30

Соловьев — Фету

16 апреля 1890 г. Москва

Многоуважаемый Афанасий Афанасьевич,

У брата я сегодня быть не могу, а к Вам во вторник приду непременно.

Будьте здоровы.

Ваш Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Датируется по связи с п. 29.

31

Соловьев — Фету

13 августа 1890 г. Москва

Сейчас был обрадован Вашим письмом,¹ дорогой и глубокоуважаемый Афанасий Афанасьевич. А я все-таки еду в Воробьевку.² В среду 15-го отправляюсь в Красный Рог на несколько дней,³ а оттуда к Вам также на несколько дней. Итак, до скорого свидания. Целую руки Марье Петровне. Кланяюсь Екатерине Владимировне.

В<есь> В<аш> Влад<имир> Соловьев.

Печатается по подлиннику: ИРЛИ. № 20290. Л. 17.

Впервые опубликовано: Соловьев. Письма. Т. 4. С. 231.

Датируется по письму Н. Н. Страхова к Фету от 13 августа 1890 г., на котором записано данное письмо: Фет/Страхов. С. 502–503.

¹ Письмо, о котором идет речь, не обнаружено.

² О своих планах приехать в Воробьевку летом 1890 г. Соловьев писал 20 июля 1890 г. М. П. Шеншиной: «Спешу написать несколько слов, чтобы вовремя поздравить Вас с 22-ым июля. Я на дороге в Петербург, по возвращении откуда думаю (и почти уверен), что приеду в Воробьевку. Об вас с Афанасьем Афанасьевичем узнаю только из „Русского обозрения“. Но скоро надеюсь увидеться. Это лето, впрочем, вы не были одиноки, а я частью проводил время в Москве совершенно одиноко на пустой квартире с дворником и ласточками над моим окном (это мое единственное утешение в Москве, на днях вывелась целая стая молодых), частью же гостил в окрестностях Москвы у Трубецких, Лопатиных, у брата Миши и у сестры Поповой. Чувствую себя довольно хорошо и очень много работаю: становлюсь вроде литературного поденщика» (Соловьев. Письма. Т. 3. С. 122). Соловьев пробыл в Воробьевке до начала сентября 1890 г. См.: Летопись. Дополнения. С. 343.

³ См. примеч. 2 к п. 4.

32

Соловьев — Фету

Около 19 октября 1891 г. Москва

Спасибо, дорогой Афанасий Афанасьевич за любезное приглашение. Непременно буду, но рано не могу, ибо встречаю гостей из Петербурга.¹

Мама поручает сказать, что она и с работой, и без работы всегда рада быть у Вас, но сегодня ее мучает ужасный кашель.²

До свидания.

Весь Ваш Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Датируется по содержанию, см. примеч. 1 к наст. письму.

¹ Вероятно, встреча «гостей из Петербурга», о которой идет речь в письме, была связана с заседанием Психологического общества 19 октября 1891 г., на котором Соловьев выступил с докладом «Об упадке средневекового миросозерцания», вызвавшем скандальную реакцию (см.: *Соловьев Вл.* Соч.: В 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 344–362, 689–693; *Закутняя О. В.* Журнал «Вопросы философии и психологии»: Первые годы издания (1889–1895): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008; *Соловьев А. П.* Вл. Соловьев о средневековом миросозерцании (К вопросу о персонализме и универсализме у Вл. Соловьева) // СОФИЯ: Альманах. Уфа, 2007. Вып. 2: П. А. Флоренский и А. Ф. Лосев: род, миф, история. С. 344–358).

² О болезни матери — П. В. Соловьевой, и сестры — П. С. Соловьевой, см. также п. 33.

33

Соловьев — Фету

Вторая половина октября 1891 г. Москва

Дорогой Афанасий Афанасьевич, мать и сестра все еще больны, и весь дом наполнен непрерывным кашлем. Я удручен спешными работами, но в среду, если буду жив, приду непременно.¹ Очень обрадован и польщен Вашим вниманием к моим виршам² и с величайшим ин-

тересом буду следить в среду за движением Вашего указательного перста. До свидания.

Душевно преданный Вам Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: *Северные цветы* на 1901 год. С. 158.

Датируется по связи с п. 32.

¹ Возможно, речь идет о работах, связанных с событиями, последовавшими после прочтения Соловьевым доклада в Московском Психологическом обществе. См. примеч. 1 к п. 32.

² Вероятно, речь идет о выходе в свет первого сборника стихотворений Соловьева: *Стихотворения Владимира Соловьева*. М., 1891. Видимо, в не дошедшем до нас письме, Фет высказывал свое мнение о стихах Соловьева и приглашал его на традиционный обед, который устраивался в доме на Плющихе по средам.

34

Соловьев — Фету

Весна 1892 г. Москва

Дорогой Афанасий Афанасьевич, сегодня, к сожалению, не могу быть у Вас, зайду на днях вечером.

Не найдете ли Вы возможным передать мне шуфовского «Баклана»¹ для прочтения находящемуся теперь в Москве редактору «Вестника Европы»?² Поэма действительно хороша, особенно по нынешнему времени, а если она появится только отдельным изданием, минуя журналы, то ее никто не прочтет.

Если Вы не затруднитесь доверить мне рукопись на несколько дней, то передайте посланному, в противном случае нельзя ли Вам будет осведомиться у автора и сообщить мне при первом свидании, в ожидании которого остаюсь Вам неизменно преданный Влад<имир> Соловьев.

Прилагаемую книжку³ прошу Вас передать Е. М. Семенкович,⁴ которая желала иметь мой автограф.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: *Северные цветы* на 1901 год. С. 157.

Датируется по содержанию. Согласно сохранившимся в архиве Фета письмам В. А. Шуфа (*РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 15), он уехал из Москвы в первой по-

ловине мая 1892 г., и к этому моменту поэма «Баклан» уже была передана М. М. Стасюлевичу.

¹ *Шуф Владимир Александрович* (1865–1913) — поэт, критик, публицист, автор сборника «Крымские стихотворения» (1890). Шуф писал Фету 1 июня 1892 г.: «Большим утешением было бы для меня теперь увидеть моего „Баклана“ в „Вестнике Европы“; но Стасюлевич все что-то не печатает. Иногда, „в минуты черного цвета“, мне кажется, что Стасюлевич раздумает и под каким-нибудь предлогом откажется напечатать мою поэму... <...> Перед отъездом из Москвы я познакомился с Владимиром Сергеевичем Соловьевым. У меня осталось о нем чудное впечатление. Это, должно быть, добрый, хороший, искренний человек. А все оттого, что он поэт. И философия его с поэтической окраской. Религия и поэзия (искусство) вышли из одной школы. <...> Владимир Сергеевич обещал мне поместить в „Ниве“ или „Русских ведомостях“ рассказ мой „Хаплу-Хая“, забракованный Стасюлевичем. Пока не знаю об его участи. Не думаю, чтобы „Русские ведомости“ его напечатали». (*РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 15. Л. 1). Сохранилось и письмо Шуфа к Соловьеву от 16 июня 1892 г. из Симферополя, в котором он сетовал: «„Баклан“ мой все что-то не появляется в „Вестнике Европы“. Я за него очень беспокоюсь. Меня тревожит, что Стасюлевич так и не ответил на мое письмо, о котором я говорил Вам (с просьбой о деньгах). Что если Стасюлевич раскается и под каким-нибудь предлогом откажет мне в напечатании поэмы?» (*ИРЛИ*. Р. III. Оп. 1. № 2518). В августе 1892 г. поэма все же появилась в «Вестнике Европы», автор по этому поводу писал Фету 13 августа: «Сейчас хочу Вам жаловаться, Афанасий Афанасьевич, на самоуправство, которое совершила надо мной редакция „Вестника Европы“. В августовской книжке, наконец, появился мой „Баклан“. Но появление его помимо большой радости принесло мне и большое огорчение: в заголовке поэмы не оказалось посвящения. Его нет. Рука редактора вычеркнула строки „посвящается А. А. Фету“, в которых заключалась вся моя горячая благодарность за участие и помощь, которые Вы мне оказали. Этот поступок редакции я не мог назвать иначе, как самоуправством. Не спросили даже моего мнения на этот счет, не узнали моего желания! Не знаю, можно ли такой поступок подвести под рубрику редакционных прав сокращения и исправления поступающих в редакцию статей.... И что это такое? Партийные счеты? Личное недоброжелательство к Вам? Как все это лживо, пошло, мелко! Нетактично даже, неловко! Но, может быть, мое негодование на редакцию „Вестника Европы“ совершенно напрасно и уничтожение посвящения было сделано по Вашему желанию, переданному через Соловьева? Я этого не думаю. Какие могли бы быть причины, которые в такое короткое время изменили бы Ваше первоначальное разрешение? Все это меня очень огорчает и беспокоит» (*РГБ*. Ф. 315. К. 13. № 15). О публикации поэмы в «Вестнике Европы» идет речь и в письме Шуфа к Фету от 8 сентября 1892 г.: «Возвращаясь к моей поэме. Она не имела успеха ни внешнего, ни даже материального. Стасюлевич мне ничего не заплатил. Ни добрых слов, ни денег „Баклан“, очевидно, не стоит. В надежде на гонорар из „Вестника Европы“ перед отъездом в Крым я занял на дорогу денег, и теперь авторские затруднения увеличились. Правда, мой кредитор — мамаша, но я не хотел бы быть и перед нею неисправным должником. Литературный заработок для меня очень су-

ществен. Соловьеву я ничего не писал об этом, так как Вы говорите, что переписываться с ним нельзя» (Там же).

² Имеется в виду М. М. Стасюлевич.

³ Возможно, речь идет о первом сборнике стихотворений Вл. Соловьева. См. п. 33, примеч. 2.

⁴ Семенкович Евгения Михайловна — жена двоюродного племянника Фета, Владимира Петровича Семенковича (1861–1939).

35

Фет — Соловьеву

8 июля 1892 г. Воробьевка

Моск.-Курской жел. дор.
ст. Коренная Пустынь

1892. 8 июля.

Дорогой Владимир Сергеевич.

Юрий Николаевич¹ смутил нас вестью, что, собравшись в Воробьевку, Вы изменили свое намерение. С Вашей легкой руки в нынешнем году Воробьевка представляет, по отношению к гостям, довольно разноцветный калейдоскоп, в котором, точно по взаимному условию, лица сменяются другими. Как ни досадно это в известном отношении, так как не позволяет приглядеться к приезжему, тем не менее такое мелькание на нашем горизонте является хотя бы и нежелательным фактом. Так, например, день Святой Ольги² уносит завтрашний день от нас Страхова к его имениннице в Киев.³ Зато две Ольги, т. е. Иост и Галахова,⁴ обещают прибыть к 22-му,⁵ чтобы вместе с нами поклониться Вам. Марья Петровна просит прибавить, что помещение Ваше будет Вас ожидать. Уступаю перо более опытной руке и дружески жму Вам руку.

Ваш старый А. Шеншин.

Рукой Ю. Н. Говорухи-Отрока:

Два слова к нашему разговору о церкви идеальной и реальной: мне всю дорогу хотелось их Вам сказать. Для всякого верующего в церковь идеальную тем самым она становится реальной, хотя и не заключенной в ведомую форму, т<аким> об<разом>, есть только одна действительно существующая церковь — идеальная. Благодать, сообщаемая помазанием Царя действительна, потому что, будь Царь верующий или нет, добрый или злой, он не отрекается от Христа. Если он в душе верующий, то благодать только будет иметь отрицательное действие.

«Неверующий же деятель» прямо отрекается от Христа и жизнью, и делом, и словом. Вот почему Ваш пример неудачен.

Ваш Юрий.

Рукой Фета:

Как я рад, что Екатерина Владимировна исправила мой недосмотр и указала, что к 15 следует поздравить Вас с днем Ангела.⁶ Исполняю это с тем большим удовольствием, что знаю, что ангел Ваш — чистый, вдохновенный и добрый гений.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано (не полностью): *Фет А. А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 326.

¹ *Юрий Николаевич Говоруха-Отрок* (1852–1896) — литературный и театральный критик, публицист.

² 22 июля в XIX в. отмечался день равноапостольной кн. Ольги.

³ Н. Н. Страхов писал Фету 4 июля 1892 г. из Ясной Поляны: «Завтра, то есть 5-го, я вечером сяду в вагон на Козловке, а 6-го к завтраку буду у Вас в Воробьевке. Так я думаю, а наверное сказать не могу при том коловращении, которое здесь происходит. Стремлюсь я в Киев, на именины своей племянницы и потому недолго погощу у Вас. Но очень приятно будет повидать Вас и приняться за продление споров. Здесь все благополучно и столько новостей, что не хочу и приниматься Вам рассказывать» (*Фет/Страхов*. С. 539). Племянница Страхова — Ольга Даниловна Матченко (урожд. Самусь).

⁴ *Ольга Ивановна Иост* (урожд. Щукина) — племянница М. П. Шеншиной, *Ольга Васильевна Галахова* (урожд. Шеншина) — племянница Фета.

⁵ См. примеч. 7 к п. 17.

⁶ 15 июля по Юлианскому календарю — день памяти равноапостольного святого Владимира.

36

Фет — Соловьеву

10 июля 1892 г. Воробьевка

Моск.-Курской жел. дор.
ст. Коренная Пустынь

1892. 10/VII.

Дорогой Владимир Сергеевич.

Юрий Николаевич¹ нудит меня к плеоназму ввиду моего напоминания Вам о 22-м,² тогда как Вы сами хорошо знаете, что такое напомина-

ние есть только крайний наскок на Вашу нерешительность. А что мы все ждем Вас ежедневно с распростертыми объятиями к Юрию Николаевичу во флигель, — об <этом> говорить считаю излишним.

Преданный и признательный Вам, А. Шеншин.³

Рукой Ю. Н. Говорухи-Отрока:

Новое классическое изречение Аф<анасия> Аф<анасиевича>, произнесенное им с большою горячностью и даже перекрестившись: «Благодарю Тебя, Господи, за то, что я язычник».

Ю. Г.

Сейчас мы читали с А<фанасием> А<фанасиевичем> поэму Фофанова. Герой кончает самоубийством, вот слова: Он умер, он без чувств упал... т. е. сперва умер, а потом упал без чувств. Это уже мера всему.

Печатается по машинописной копии Н. Н. Черногубова: *РГБ*. Ф. 315. К. 4. № 24.

Впервые опубликовано: *Фет А. А. Соч.*: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 326–327.

¹ См. п. 35, примеч. 1.

² См. примеч. 7 к п. 17.

³ Известен также комментарий М. С. Соловьева от 13 ноября 1900 г. к этому письму Фета: «В дополнение к приведенному Ю. Г. (Говорухой-Отроком. — *Г. П.*) классическому изречению Аф<анасия> Аф<анасьевича>: Во время спора с М. И. Хитровым и Говорухой-Отроком и защиты ими христианства Фет вскочил, стал перед иконою и, крестясь, произнес с чувством горячей благодарности: „Господи Иисусе Христе, Мать Пресвятая Богородица, благодарю Вас, что я не христианин“» (*Фет А. А. Соч.* Т. 2. С. 449).

37

Соловьев — Фету

15 июля 1892 г. Москва

Дорогой и до бесконечности любезный Афанасий Афанасьевич!

На крыльях души ежедневно летаю в Воробьевку; надеюсь, почти уверен, что приеду и на паре (не своих, а локомотивном), но боюсь, что к 22 не поспею. Дух бодр, плоть немощна. Строго говоря, я уже умер, на что имею даже доказательство. Вот эпитафия, высеченная (вопреки

закону, избавляющему женский род от телесных наказаний) на моем могильном камне:

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом.
Сперва был философ,
А ныне стал шкелетом.
Иным любезен быв,
Он многим был и враг,
Но без ума любив,
Сам свергнулся в овраг.
Он душу потерял —
Не говоря о теле:
Ее диавол взял,
Его ж собаки съели.
Прохожий! Научись из этого примера,
Сколь пагубна любовь и сколь полезна вера.¹

Убедившись в моей духовной смерти, Вы, может быть, пожелаете узнать о моей телесной жизни. На это я также имею стихотворный документ:

Душный город стал несносен.
Взявши сак-вояж,
Скрылся я под сенью сосен,
В сельский пейзаж.²
У крестьянина Сыся
Нанял я избу.
Здесь мечтал, вкусив покоя,
Позабыть борьбу.
Ах! потерянного рая
Не вернет судьба,
Ждет меня беда другая,
Новая борьба.
Поднялись на бой открытый
Целые толпы:
Льва Толстого фавориты,
Красные клопы.*
Но со мною не напрасно
Неба лучший дар:
Ты, очищенный, прекрасный,
Галльский скипидар.
Ты римлянкам для иного

---

* Смотри ст<атью> «Первая ступень» в пользу домашних насекомых. В. С.

Дела мог служить,
Мне ж союзников Толстого
Помоги сразить.*
Я надеялся недаром:
В миг решился бой,
Спасовал пред скипидаром
Весь Толстовский строй.
О, любимец всемогущий
Знатных римских дам!
Я роман Толстого лучший
За тебя отдам.
От романов сны плохие,
Аромат же твой
Прогоняет силы злые
И дарит покой.
Но покой, увы, не долог:
Вижу — новый враг —
Изо всех щелей и щелок
Повалил прусак.
Ах! и мне воинским жаром
Довелось гореть
И *французским* скипидаром
Пруссаков огреть.
Все погибли смертью жалкой
Кончилась борьба.
Терпентином и фиалкой
Пахнет вся изба.³

Я одержим, как видите, стихоблудием; за последнее время я сочинил 36 стихотворений. В следующем первая строфа поскольку хороша, поскольку пахнет Фетом. Вторая — от собственных усталых мозгов — слаба:

Нет вопросов давно, и не нужно речей:
Я стремлюся к тебе, словно к морю ручей, —
Без сомнений и дум милый образ ловлю,
Знаю только одно, — как безумно люблю.

В тихом свете небес я тебя узнаю,
Вижу в блеске зари я улыбку твою,
Жить любовью одной, с ней одной умереть,
Чтобы яркой звездой над тобою гореть!⁴

---

* По свидетельству древних писателей, римские щеголихи весьма любили терпентинное масло, придающее запах фиалки таким выделениям, которые натурально этого запаха не имеют. В. С.

А вот еще:

Тесно сердце твое для меня,
А разбить его было б мне жалко.
Хоть бы искру живого огня,
Ты холодная, злая русалка!

А покинуть тебя мне невмочь:
Мир тогда потеряет все краски,
И навек замолчат в эту ночь
Все волшебные песни и сказки.⁵

Но не песням и сказкам, а мне, очевидно, пора замолчать.

Если не 22, то в августе очень хочу и надеюсь быть у Вас. Целую ручки Марьи Петровны. Кланяюсь сердечно Катерине Владимировне и Юрию Николаевичу, если он еще у Вас.

Истинно Вас уважающий и душевно преданный
Влад<имир> Сол<овьев>.

Печатается по подлиннику: *РГБ*. Ф. 315. К. 11. № 16.

Впервые опубликовано: Русское обозрение. 1901. № 1. С. 104–106.

Датируется по почтовому штемпелю отправления: 15 июля 1892, Москва.

¹ Стихотворная эпитафия Соловьева датируется 15 июня 1892 г. Ее он включил и в письмо к С. А. Венгерову от 12 июля 1892 г.: «На вопрос Ваш, как я поживаю, прямого ответа дать не могу, ибо я вовсе не поживаю. Я умер, о чем бесспорно свидетельствует следующая эпитафия, высеченная (вопреки закону, избавляющему женский род от телесного наказания) на моем могильном камне:

Владимир Соловьев
Лежит на месте этом, и т. д.

Но, пожалуй, узнавши о моей смерти, Вы не пришлете мне ордера на 22 р. Итак, спешу оставить шутки и сообщить Вам, что я живу хотя в большой тесноте, но не в обиде, по крайней мере не обижаю своих свиноватых, пьяных, но тем не менее нищих деревенских соседей, среди которых приобрел немало популярности» (*Соловьев. Письма*. Т. 2. С. 321).

² Летом 1892 г. Соловьев нанимал дачу в селе Моршиха, около станции Сходня Николаевской железной дороги, неподалеку от имени С. М. Мартыновой Знаменское. 2 июня 1892 г. он писал М. М. Стасюлевицу: «Дача моя (4 комнаты) за все лето стоит 80 руб., чем я весьма горжусь. Буду жить там совершенно один. Стол свой я упростил весьма: ем раз в день гречневую кашу с подсолнечным маслом и зеленые бобы без всякого масла, запивая это рижским пивом по 12 коп. бутылка» (*Соловьев. Письма*. Т. 4. С. 57).

³ Стихотворение датируется 3 июня 1892 г.

⁴ Стихотворение датируется 17 июня 1892 г.

⁵ Стихотворение датируется 17 июня 1892 г., позже было переработано и опубликовано в «Вестнике Европы» (1892. № 8. С. 753) в другой редакции. Ср.:

Тесно сердце — я вижу — твое для меня,
А разбить его было б мне жалко.
Хоть бы искру, хоть искру живого огня,
Ты холодная, злая русалка!
А покинуть тебя и забыть мне невмочь:
Мир тогда потеряет все краски
И замолкнут навек в эту черную ночь
Все безумные песни и сказки.

38

Соловьев — А. А. Фету и М. П. Шеншиной

1880-е — 1890-е гг. (?) Москва

Здравствуйте, глубокоуважаемые
Афанасий Афанасьевич и Мария Петровна,
сегодня никак не могу быть у Вас — очень нужные дела мешают, а завтра
днем или вечером буду непременно.

Душевно преданный Влад<имир> С<оловьев>.

Печатается по подлиннику: РГБ. Ф. 315. К. 11. № 16.

Публикуется в конце всего комплекса, поскольку нет достаточно убедительных оснований для более точной датировки.